

Ирина Тальченко

**Правила
притяжения**

18+

Ирина Тальченко

Правила притяжения

«Автор»

2026

Тальченко И.

Правила притяжения / И. Тальченко — «Автор», 2026

— Ты играешь со мной? — его голос был низким, опасным. Он прижал меня к стене. — Ты используешь меня, чтобы досадить ему? — Нет, — выдохнула я. — Врёшь. У тебя глаза горят, когда он входит в комнату. Ольга любила Максима. Безответно, годами. Для него она была лишь «лучшим другом» — удобной, невидимой. Отчаявшись, она опустила руки. Но подруга вручила ей книгу: «Как влюбить в себя любимого». «Выполняй пункты, — сказала она. — А там посмотрим». Ольга выполнила всё в точности. Эксперимент должен был заставить Максима увидеть её. Он сработал. Идеально. Только внимание привлёк не Максим. Его привлёк Сергей — мужчина, который увидел её настоящую. Без инструкций, без правил. Теперь у Ольги есть всё, о чём она мечтала. Настоящая страсть, грозящая сжечь всё дотла. Но что делать, когда игра выходит из-под контроля, а сердце бьётся в унисон с тем, кого ты не планировала любить? Иногда самый опасный эксперимент — тот, что ты ставишь над собственным сердцем.

© Тальченко И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	28
Глава 8	32
Глава 9	36
Глава 10	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Ирина Тальченко

Правила притяжения

Глава 1

Ольга.

Шуршание бумаг и мерный стук клавиатуры — саундтрек моей жизни. На экране плясали цифры, выстраиваясь в бесконечные отчеты. Двойная запись, акт сверки... Здесь, в мире дебета и кредита, всё всегда сходилось. В отличие от моей личной бухгалтерии, где давно царил колоссальный убыток.

— Оль, ты опять в окно смотришь? Или в экран провалилась? — Разговорчивая, как попугай, голос Натальи выдернул меня из цифрового ступора. Она присела на край моего стола, закрыв собой половину монитора. — Обедать идём? Я знаю, где сегодня скидки на бизнес-ланчи.

— Через пять минут, — буркнула я, пытаюсь найти последнюю введенную цифру. — Мне надо досчитать эту ведомость.

— Ве-домость, — протянула Наталья, закатив глаза. — Твоя жизнь — это одна большая ведомость. Когда ты последний раз жила, а не подсчитывала? Хотя бы в Тиндере покрутила?

Я тяжело вздохнула. Наталья — мой антипод. Где я вижу риск, она — возможность. Где я ставлю галочку «неудача», она пишет «интересный опыт».

— Мне Тиндер не нужен, — сказала я тише, чем планировала.

— А-а, — Наталья сделала многозначительную паузу, и я почувствовала, как по спине побежали мурашки. Она знала. Конечно, знала. — Опять про него думаешь. Про нашего местного Джеймса Бонда, только без пистолета, но с тем же количеством... хм, «агентов».

— Наташ, не надо.

— Надо! — Она наклонилась ближе, и в её голосе зазвучали нотки не дразнящей, а почти материнской заботы. — Оль, это уже не смешно. Школа кончилась десять лет назад. Ты всё ещё смотришь на него, как кролик на удава. А он? Он видит в тебе удобный табурет: всегда на месте, не скрипит и поддержку обеспечивает. «Ольчик, ты мой самый лучший друг!» — Она пародийно скопировала его бархатный, чуть свысока звучащий голос. У неё выходило ужасно похоже и потому невыносимо больно.

— Он мне друг, — выдавила я, глядя на свои пальцы, вцепившиеся в край стола. — И он ценит нашу дружбу.

— Ценит. Конечно. Особенно когда нужно поплакаться в жилетку после расставания с очередной Катей-Машей-Светой. Он использует твою любовь как бесплатную психотерапию, Оль! Сколько можно?

Внезапно в кармане завибрировал телефон. Одно короткое сообщение. Сердце, предательски ёкнув, упало в пятки, когда я увидела имя: «Максим».

«Оль, привет! Ты свободна сегодня вечером? Нужен твой мудрый совет. Насчёт одной особы.»

Я подняла глаза и встретила безжалостно понимающий взгляд Натальи.

— Пусть идёт к чёрту со своим советом, — тихо, но чётко сказала она.

— Я не могу, — также тихо ответила я, уже набирая ответ. Потому что «не могу» было единственным честным словом во всей этой истории.

Мы отправились на обед в нашу недорогую кафешку — уютную берлогу с липкими столиками и вечно уставшим бариста. Наташка — моя лучшая подруга. Единственный человек,

перед которым я не стыжусь своей боли. Она поддерживает меня, даже когда я ненавижу себя за эту поддержку.

— Смотри, вон тот симпатичный парень пялится на тебя, — негромко, но с нажимом прошипела Наташа, едва заметно махнув головой в сторону стойки. — Ну что, может, хоть раз не будешь делать вид, что ты невидимка?

— Наташ, отстань, — я уронила взгляд в тарелку с недоеденным салатом.

— Так всю молодость в невидимках и просидишь. Ты же вроде отползла от него года три назад. Даже с тем Ильёй встречалась, помнишь? Нормальный был парень. Ну почему опять себя запикиваешь в эту... замкнутую петлю надежды?

— Ты знаешь мой ответ, — моё горло внезапно сжалось. — И знаешь, что окончательно выбило почву у меня из-под ног.

— Знаю-знаю. Ты переспала с ним, и этот единственный раз стал твоим личным Эверестом. Ты на него взобралась, а потом сорвалась в пропасть. Но для него это был всего лишь секс, Оль! Один из многих. Чем он мотивировал? А, ну да: «Оль, прости, я был не в себе... Мы же друзья, да? Не хочу это терять». Классика жанра.

— Хватит! — вырвалось у меня резче, чем я хотела. — Мне и так тошно.

Наташа замолчала, изучая моё лицо. В её глазах было не раздражение, а усталая тревога. Она отпила кофе и поставила чашку со звонким стуком.

— Хорошо, подруга. Ладно. Заела — так заела. Я тебе помогу. Хотя мой внутренний голос орет, что это идиотизм.

— Ты о чём? — я насторожилась. У Наташи в голосе звучала та самая нота, с которой она обычно предлагала прыгнуть с парашютом или признаться в любви незнакомцу.

— Смотри. Прежде чем я расскажу, заключим договор. По-взрослому. Пожмём руки. У меня есть... инструмент. Если он сработает, и вы будете с Максимом — я буду первой танцевать на вашей свадьбе. Но! — она резко подняла указательный палец. — Если обстоятельства выйдут за рамки плана... Если на твоём горизонте вдруг материализуется кто-то другой, кто посмотрит на тебя как на девушку. Ты дашь себе право хотя бы попробовать. Хотя бы на одно свидание. Договорились?

Она протянула руку через стол. Её ладонь была тёплой и уверенной. Это был не дружеский жест — это был вызов. Пари с судьбой. Я медленно пожала её руку, чувствуя, как подписываю что-то важное. И пугающе неизвестное.

— Хорошо. Выкладывай, что там у тебя на примете.

Наталья, не отрывая от меня взгляда, полезла в свою огромную сумку. Она что-то искала, шурша упаковками и ворча. Наконец её лицо озарила торжествующая, чуть виноватая улыбка.

— Вот. Лекарство от твоей хандры. — Она с небольшим стуком положила на стол между нами книгу.

Я прочла название, и мир на секунду замер. Кричащий розовый фон, глянцевые буквы: «КАК ВЛЮБИТЬ В СЕБЯ ЛЮБИМОГО МУЖЧИНУ ЗА 30 ДНЕЙ. ПОШАГОВАЯ ИНСТРУКЦИЯ ОТ ПСИХОЛОГА-ПРАКТИКА».

— Наташа... Это шутка? — выдавила я, чувствуя, как по щекам разливается жар.

— Это план, — твёрдо сказала она. — Ты же любишь инструкции? Любишь, когда всё по пунктам? Вот тебе пункты. Выполняй. А там посмотрим, кто кого на самом деле держит в паутине.

— Ты с ума сошла, — прошептала я, но моя рука сама потянулась к глянцевому переплёту.

— Сошла с ума от твоего упрямства, — парировала Наташа, уже доедая мой десерт. — Бери. Прочитай сегодня же. А завтра начнёшь исполнять пункт первый. Что там у них первым идёт, кстати? «Определи цель» или «Надень красное бельё»?

— Наталья!

— Ладно, ладно. Но договор помнишь? — Она ткнула вилкой в мою сторону. — Руку жали. Обязательство есть.

Я сунула книгу в свою сумку, стараясь прикрыть её папкой с отчётами, будто это был постыдный контрабандный товар. Обед закончился в странной, заряженной тишине. Мы вышли на улицу, и осенний ветер остудил пылающие щёки.

— Держи меня в курсе, — бросила Наташа на прощание, обнимая меня. — И, Оль... Не теряй голову. Книга книгой, а себя-то слушай.

Я кивнула, не в силах говорить. В голове гудело. По дороге в офис я неосознанно прижимала сумку к боку, будто в ней была либо бомба, либо спасение.

Остаток рабочего дня пролетел в тумане. Цифры путались, а в голове всплывали обидные фразы Наташи и тот самый текст от Максима, который пришёл утром: «Оль, привет! Ты свободна сегодня вечером? Нужен твой мудрый совет. Насчёт одной особы.»

Это была привычная ловушка. Я в неё шла с закрытыми глазами. Но теперь в сумке лежало то, что могло всё изменить. Или окончательно меня уничтожить.

Вечер.

Звонок в дверь отозвался внутри меня глухим ударом под ложечкой. Я открыла. Он стоял на пороге — такой же безупречный, такой же недостижимый, как всегда.

— Ольчик, родная, спасибо, что не отказала! — Он, не дожидаясь приглашения, шагнул в прихожую, осыпая меня запахом морозного воздуха и дорогого деревянного парфюма. Его прикосновение к плечу было лёгким, дружеским, и от этого ещё обиднее.

Он говорил, пока я накрывала на стол принесённой едой. Говорил о ней. О какой-то Кате. О том, что «всё вроде хорошо, но уже не то», что «чувств нет, а расставаться неудобно».

— Вот ты же умная, Оль, — говорил он, с аппетитом уплетая пасту. — Всегда знаешь, как помягче, без слёз. Придумай мне план, а?

Я сидела напротив, ковыряла еду вилкой и чувствовала, как старая, знакомая пустота затягивает меня внутрь. Он снова здесь не для меня. Он здесь, чтобы я помогла ему устроить личную жизнь с кем-то другим. Это был высший сорт издевательства, и он даже не подозревал, насколько.

Но в этот раз что-то было иначе. Может, отчаяние наконец перешло какую-то черту. Может, розовая обложка в сумке намекала на призрачный шанс. Я смотрела на него, слушала его бархатный голос и вдруг подумала: «А что, если Наташа права? Что, если он просто привык, что я — удобный бесплатный сервис?»

— Макс, — неожиданно для себя я прервала его. — А ты не думал... сказать ей прямо? Без планов. Просто что чувства остыли.

Он отложил вилку, удивлённо поднял брови. Он не ожидал вопроса. Ожидал покорного кивания и готового решения.

— Это же будет жёстко, Оль. Ты же понимаешь, — он неуверенно улыбнулся.

«Понимаю. Ещё бы. Я — королева понимания», — промолчала я.

Ужин закончился в тягостной атмосфере. Я не придумала ему план. Впервые. Я сказала, что устала, что голова не варит. Он выглядел слегка обиженным, но потрепал меня по волосам — опять это дружеское, снисходительное поглаживание! — и стал собираться.

— Ладно, не буду тебя грузить. Выспись. Ты и правда какая-то бледная. Может, витаминов попей? — это была его забота. Такая же поверхностная, как всё остальное.

Я проводила его до лифта, молча, сжавшись внутри. Дверь лифта закрылась, увозя его и запах его парфюма. Я вернулась в квартиру. Тишина обрушилась на уши, густая и звонкая.

И тогда я подошла к сумке. Достала её. Розовое, глянцевое, пошлое. «КАК ВЛЮБИТЬ В СЕБЯ ЛЮБИМОГО МУЖЧИНУ ЗА 30 ДНЕЙ».

Я села на диван, прижала колени к груди и открыла первую страницу.

«Введение. Дорогая читательница! Если ты держишь в руках эту книгу — ты уже сделала первый и самый важный шаг. Ты признала, что заслуживаешь большего. Ты устала быть невидимкой. Поздравляем! Теперь всё в твоих руках. Но предупреждаем: наш метод требует смелости и тотальной честности. Прежде всего — с собой. Готова ли ты?»

Я проглотила комок в горле. Готова ли я? Только что я провела вечер, помогая мужчине своей мечты придумать, как расстаться с другой женщиной. Какая, к чёрту, ещё неготовность?

Я перевернула страницу. «ШАГ ПЕРВЫЙ: ОБНУЛЕНИЕ. Прекрати быть удобной. Начни быть желанной. Завтрашний день — твой первый день. Поступай ровно наоборот. Откажись от одной просьбы. Купи одну вещь не для работы, а для себя. Купи новое красивое нижнее бельё. И посмотри, что изменится...»

Я закрыла книгу. Сердце колотилось о рёбра, как пойманная птица. Это было безумие. Полное, абсолютное безумие.

И всё же. Я подошла к окну. Где-то там в городе ехал он. А здесь, в тишине, была я. И книга.

— Хорошо, — тихо сказала я пустой квартире. — Давай поиграем в твою игру.

И это был конец моей старой жизни. Или начало новой. Пока ещё было непонятно.

Глава 2

На следующий день Наташка ворвалась ко мне в кабинет, как торнадо в юбке-карандаш, с двумя бумажными стаканчиками в руках.

— Держи, спасение от бухгалтерского ада, — она поставила передо мной капучино с сердечком из пены. — Ну, докладывай. Первые впечатления от «учебника по счастью»? Ты же начала читать, я знаю.

— Начала, — кивнула я, машинально прикрывая папкой с квартальным отчётом розовый уголок обложки, выглядывавший из ящика стола.

— И? — Наталья уселась на угол стола, безжалостно смяв несколько важных бумаг. Её взгляд сверлил меня. — Не тяни. Что за волшебная пилюля там предложена?

— Там... запрещают читать дальше, — выдавила я, чувствуя, как глупеет с каждым словом. — Пока не выполнишь первое задание.

— О, серьёзный подход! Интерактивный коучинг. Ну и что за задание-то? Медитировать? Аффирмации кричать в зеркало? Я ставлю на красное бельё.

Я вздохнула. Она, как всегда, угадала с полунамёка.

— «Обнуление», — процитировала я книгу, глядя в стаканчик, чтобы не видеть её торжествующего лица. — «Прекрати быть удобной. Начни с самого интимного — с того, что видишь только ты. Купи вещь, которая заставит тебя почувствовать себя желанной. Даже если никто этого не увидит».

Наступила пауза. Я ждала смеха, сарказма.

— Идеально, — вместо этого тихо сказала Наталья. — Прямо в яблочко. Значит, сегодня после работы — в бутик. Марш-бросок.

— Не могу, — сразу, почти рефлекторно, выпалила я. — Я... я даже не знаю, куда идти. — Это была первая, пришедшая в голову отговорка.

— Врешь, милая, — Наталья прищурилась. — Проблема не в «куда». Проблема — в «стыдно». Верно?

Я молчала. Горячая волна стыда накрыла меня с головой. Стыдно было покупать. Стыдно было обсуждать это. Стыдно было даже думать об этом, сидя в своём уютном, предсказуемом кабинете с видом на серые крыши.

— Оль, слушай сюда, — голос Натальи стал твёрдым, почти как у командира перед высадкой десанта. — Это не про бельё. Это про разрешение. Разрешение самой себе быть женщиной, а не офисным призраком. И мы сейчас пойдём и купим тебе это разрешение. Я буду твоим телохранителем от твоего же стыда.

Она протянула руку. Не для пожатия. Чтобы поднять меня со стула.

— Наташ... а если... а если я увижу кого-то знакомого? — зашептала я, вцепившись в подлокотники кресла.

— Тем лучше! Пусть завидуют. А если увидим Максима — так я сама ему вручу твою квитанцию. Давай, вставай. Твой дебет и кредит никуда не денутся. А твоя новая жизнь — начинается с одного смешного, дурацкого, прекрасного поступка.

И, не дав мне опомниться, она вытащила меня из-за стола.

Бутик оказался крошечным и пугающе благоухающим. Воздух был густым от запаха сандала и дорогого парфюма. Наталья, как заправский стилист, принялась листать стойки, а я стояла посередине, ощущая себя нелепой и прозрачной.

— Это! — торжествующе воскликнула она, протягивая мне комплект из тончайшего чёрного кружева и шёлка. — Твой цвет. Классика. Сразу видно — не для отчетов.

Я взяла его в руки. Ткань была невесомой, почти воздушной. Цена на бирке заставила сердце ёкнуть. «Это безумие», — подумала я. «Именно», — будто услышала, ответило что-то внутри.

Консультант, утончённая женщина с серебряными сединами, мягко улыбнулась: — Примерочная свободна. Хотите примерить?

— Нет! — вырвалось у меня слишком громко. — То есть... возьму так. Мой размер.

Процесс оплаты стал для меня небольшим испытанием на стойкость. Я избегала взгляда кассира, сверля взглядом узор на банковской карте. Наталья же сияла, как будто это она только что выиграла тендер.

— Поздравляю с первой победой над собой, — сказала она на улице, вручая мне маленький изящный пакет. — Теперь иди домой, примеряй и пойми главное: ты это сделала не для него. Ты сделала это для себя. Почувствуй разницу.

Она обняла меня и умчалась на своё свидание, оставив меня на тротуаре с этим странным, щекочущим нервы ощущением — будто я только что совершила тихое, личное преступление.

Я шла, глубоко засунув пакет в свою просторную сумку, и пыталась осмыслить этот вечер. Получалось плохо. В голове крутились мысли: «Зачем? Что дальше? И что, собственно, должна изменить эта тряпочка?»

Я не смотрела по сторонам, уткнувшись взглядом в плитку тротуара, и потому столкновение оказалось неизбежным.

— Ой! Простите, я...

Я налетела на кого-то твёрдого и тёплого. От неожиданности я выронила сумку. Она шлёпнулась на асфальт, и её содержимое веером разлетелось вокруг. Папка с бумагами, кошелек, ключи... и тот самый маленький тёмно-синий пакет из бутика, который предательски раскрылся. Из него, как лепестки какого-то запретного цветка, на серый асфальт выскользнул тот самый чёрный кружевной комплект.

— Осторожнее! — раздался над головой озабоченный мужской голос. — Виноват, я тоже не смотрел... Давайте я вам помогу.

Передо мной на корточках оказался мужчина. Не Максим. У этого были другие глаза — не бархатные, а ясные, серые, внимательные. И он, собрав мои ключи и документы, взял в руки то самое бельё, чтобы аккуратно упаковать его обратно.

Наступила та самая смертельная пауза, когда хочется провалиться сквозь землю. Я чувствовала, как горит всё лицо.

Он же, к моему изумлению, не смутился и не отвёл взгляд. Аккуратно сложив ткань, он поместил её в пакет и протянул мне. И лёгкая, почти неуловимая улыбка тронула уголки его губ.

— Красивое, — спокойно и абсолютно искренне сказал он. — Вам очень идёт.

Это была не пошлость, не намёк. Это прозвучало как констатация факта. Как если бы он сказал «у вас красивые глаза».

Я, онемев, взяла пакет, не в силах вымолвить ни слова. Он же поднял мою сумку и вручил её.

— Вы не повредились? — спросил он, и в его голосе прозвучала настоящая забота.

— Нет... Спасибо, — наконец выдавила я.

— Тогда всего доброго. Смотрите под ноги, — он кивнул и пошёл своей дорогой, оставив меня стоять с пакетом в руках и с полным переворотом в сознании.

Впервые за много лет меня увидели. И первый, кто это сделал — был не Максим.

Квартира встретила меня привычной, подавляющей тишиной. Я поставила пакет из бутика на комод — он лежал там, как немой укор или как билет в один конец.

«Сделала. Купила. А дальше-то что?»

Книга, разумеется, давала ответ. Я открыла её на нужной странице. «Шаг первый (часть вторая): Прими свой выбор. Примерь. Посмотри в зеркало. Не оценивай — наблюдай. Запиши три слова, которые придут в голову. Только честно.»

«Честно». Самое трудное слово.

Я медленно разделась. Офисная блузка, юбка, колготки — мой привычный, надёжный панцирь — легли на стул. Комнатный воздух показался прохладным на коже. Я достала попку. Чёрное кружево на шёлковой подкладке казалось хрупким и нереальным в моих руках.

Я надела его.

И подошла к зеркалу во весь рост.

Первое, что я почувствовала — неловкость. Чистейшей воды физический дискомфорт. «Я похожа на девочку, нарядившуюся в мамины вещи». «Это не моё». «Я здесь не на своём месте». Я хотела отвернуться, снять, спрятать.

Но я смотрела. Заставляла себя смотреть.

И постепенно взгляд начал меняться. Я перестала видеть просто «бельё на Ольге». Я начала видеть детали. Как кружево повторяет линию ключицы. Как шёлк мягко лепит форму. Цвет. Он был не просто чёрным. Он был глубоким, бархатным, благородным. И он... не конфликтовал со мной. Не кричал, не спорил с моей бледной кожей и простыми чертами лица. Он их подчёркивал. Делал контрастнее. Придавал значение.

И тут в памяти всплыло, ярко и неотвязно: «Красивое. Вам очень идёт».

Голос незнакомца. Его спокойный, лишённый всякого подвоха тон. Он не увидел в этом стыдного. Он увидел красивое.

Я сделала глубокий вдох и выпрямила спину. Перестала сутулиться, втянула живот. И отражение изменилось. Оно стало не жалким, а... загадочным. Женщина в зеркале была не той Ольгой, которую все знали. Она была тайной. Даже для себя самой.

Что я чувствовала?

1. Страх. Страх перед этой новой, незнакомой частью себя.
2. Стыд. Старый, въевшийся стыд, который шептал: «Ты не имеешь на это права».
3. И... любопытство. Тихое, робкое, но настойчивое. А что, если?..

Я взяла свой старый, кожаный дневник, куда последний раз писала лет пять назад, после той ночи с Максимом. Открыла чистую страницу. Ручка дрожала в пальцах.

«День первый эксперимента. (Или дня ноль? Не знаю).

Я выполнила глупое задание из глупой книги. Купила то, что никогда бы не купила. Надела. Стою перед зеркалом.

Книга просит три честных слова.

Вот они:

1. Чужая. (Потому что это не я. Ещё нет).
2. ...Красивая. (Потому что, чёрт возьми, это красиво. И, кажется, это имело право надеть именно на меня).

3. Сильная. (Самое неожиданное. Но эта ткань на коже... она не делает меня слабой. Она напоминает, что под моими свитерами есть кожа. Есть тело. Есть что-то, что принадлежит только мне. И это даёт странную силу. Силу иметь секрет от всего мира).

P.S. Столкнулась с мужчиной. Он помог. И сказал про «это» — «красивое». Он первый. Почему-то кажется, что это важно.»

Я закрыла дневник. Ощущение было странным. Я не стала другой. Максим не стоял под дверью. Жизнь не перевернулась.

Но где-то внутри, в самом фундаменте моего «я», что-то дрогнуло. Появилась микроскопическая, едва заметная трещина. И в неё пробивался свет. Свет от того, что я смогла купить эту вещь. Свет от слов незнакомца. Свет от трёх честных слов в дневнике.

Я сняла кружево, аккуратно сложила его и убрала в ящик. Не на самое дно. А наверх.
Чтобы завтра утром оно было первым, что я увижу.
Первый шаг был сделан. Не к Максиму. К себе.

Глава 3

Утром я проснулась от странного чувства — не тревоги, а тихого, сосредоточенного ожидания, будто сегодня предстоит не просто день, а перформанс, где я и актриса, и режиссёр. Первым делом я потянулась не к телефону, как обычно, а к тому самому розовому переплёту, лежавшему на тумбочке.

«День второй. Фундамент.

1. Цифровой детокс. Прерви привычный паток. Отложи телефон. Не пиши ему первая. Не отвечай мгновенно. Создай вакуум, в котором может родиться новая динамика.

2. Ритуал для себя. Познакомься с собой заново. Отнесись к сегодняшнему утру как к свиданию... с самой собой. Позволь телу расслабиться, а лицу — сиять.

3. Выход в свет. Один час. Одно кафе. Одна чашка кофе. Твоя задача — не искать взглядов, а просто быть. Быть той, кем ты стала после шагов 1 и 2. Возьми с собой простую книгу и оставь после себя лишь намёк на свой след. Остальное — дело сил притяжения.»

Я перечитала текст несколько раз. «Создать вакуум». Это про Максима. Значит, сегодня я не отвечу на его возможное сообщение. «Свидание с самой собой». Звучало дико, но вчерашний опыт с зеркалом дал какую-то опору. А вот третий пункт заставил сердце учащённо биться. «Оставить намёк на свой след». В коробке лежала пачка простых, но красивых картонных карточек, купленных когда-то для записей. На них было только моё имя — ОЛЬГА — и номер телефота, выведенный старательным почерком. Визитки в никуда. Паруса, отправленные в неизвестное море.

— Хорошо, — прошептала я пустой квартире. — Если игра, то по правилам. Если безумие, то красивое.

Шаг первый: цифровой детокс. Я взяла телефон и... выключила его. Не поставила на беззвучный, а именно выключила. Чувство было одновременно паническим и освобождающим, будто я перерезала пуповину, связывающую меня с миром, где я была всегда на связи, всегда доступна, всегда «Ольчик-помощник».

Шаг второй: ритуал. Я наполнила ванну пеной, включила музыку без слов и погрузилась в воду. Впервые за долгое время я не думала о том, как проведут этот день другие. Я думала о температуре воды, о запахе цитруса, о том, как приятно тяжелеют мокрые волосы. Потом — макияж. Не маска для офиса, а лёгкие акценты: тушь, чтобы подчеркнуть взгляд, немного тона, чтобы выровнять цвет лица, который от волнения стал пятнистым. В зеркале смотрела на меня незнакомая знакомая. Более собранная. Более... цельная.

Шаг третий: выход. Я положила в сумку книгу и одну-единственную визитку. Одну. Шанс должен быть только один. И отправилась в ближайшую кофейню, не ту, где бываем с Максимом, а в ту, что на соседней улице — маленькую, уютную, с большими окнами.

Я заказала капучино, села у окна, открыла книгу на любой странице и сделала вид, что читаю. Осанка ровная, колено на колено. Читай, но краем глаза наблюдай за тем, кто наблюдает за тобой.

Я старалась следовать инструкции, но буквы в книге расплывались. Подняв взгляд, я скользнула им по залу — и острым, электрическим ударом осознала: за мной действительно наблюдают. Взгляды одиноких мужчин за соседними столиками скользили по мне с нехитрым интересом.

И среди них — был он.

Тот самый мужчина. Из вчерашнего столкновения. Он сидел у стойки с чашкой эспрессо, и его ясный, внимательный взгляд был прикован ко мне. Не навязчивый, не оценивающий. Узнающий. Он видел меня. И он помнил.

Сердце забилося с такой бешеной скоростью, что я почувствовала его стук в висках. Всё внутри перевернулось. Мысль о том, чтобы оставить визитку при нём, показалась верхом безумия, публичным унижением. «Я не смогу. Это провал. Он подумает, что я отчаянная дура».

Но где-то глубже, под слоем паники, пробивался холодный, новый голос: «Игра есть игра. Ты поставила условия. Теперь выполняй. Он может взять твоё послание. А может и пройти мимо. Это его выбор. Твой — действовать».

Кофе был допит. Я медленно, будто в замедленной съёмке, отложила книгу и сознательно встретилась с его взглядом. Не улыбнулась. Не кивнула. Просто посмотрела. Бросила вызов самой себе.

Затем, не опуская глаз, я достала из сумки маленький белый прямоугольник. Положила его ровно посередине стола, рядом с чашкой. На нём было только одно слово: Ольга — и номер. Моя ставка на стол судьбы.

Я встала, накинула пальто и пошла к выходу. Не оборачиваясь. Не позволяя себе ни единой подсказки. Шла уверенно, ровно, чувствуя, как его взгляд, жгучий и тяжёлый, провожает меня до самой двери.

Воздух на улице обжёт лёгкие, но внутри всё горело. Что я только что сделала? Эксперимент вышел из-под контроля. Он перестал быть абстрактным. Он обрёл лицо, взгляд и прошлое. Я не оставила след для кого-то. Я оставила след для него. Конкретно. Намеренно.

Теперь оставалось одно — ждать. Ждать, решится ли он подойти к тому столику. Ждать, позвонит ли кто-нибудь мой телефон. Или этот день так и останется в памяти красивой, безумной и абсолютно бесполезной авантюрой.

Но что-то подсказывало — это только начало.

Сергей.

Я всегда пью кофе в этой кофейне. Тишина, гул голосов и запах свежемолотых зёрен — мой утренний ритуал. Сегодняшний день не должен был стать исключением. Я заказал двойной эспрессо, сел у стойки и привычным движением провёл взглядом по залу.

И увидел её.

Ту самую. Девушку из вчерашнего столкновения. Она сидела у окна, погружённая в книгу, но в её позе не было ничего книжного. Она сидела с вызовом — спина прямая, линия шеи открыта, колено заброшено на колено. Не удобно, а красиво. Сознательно красиво. Она напоминала не читающую студентку, а императрицу, дарующую аудиенцию своим владениям. И владения — в виде взглядов нескольких одиноких мужчин по периметру зала — с готовностью эту аудиенцию принимали. В этом не было ничего удивительного. Она была магнитом. Тихим, но сокрушительной силы.

Мои мысли резко, грубо рванулись назад, к вчерашнему дню. К тому чёрному кружеву, что выскользнуло из её сумки и легло на асфальт у моих ног. Тонкое, хрупкое, откровенное. Сейчас, глядя на строгий свитер, обтягивающий её грудь, я с болезненной чёткостью представлял, что скрывается под тканью. Это бельё на ней сейчас? Разум твердил, что это маловероятно, бред. Но тело, вспоминая вспыхнувший тогда азарт, уже отвечало жаром и напряжением. Если бы я мог сейчас... мои пальцы сжались вокруг холодной фарфоровой чашки. Я представил, как этот хлипкий шёлк рвётся под одержимым натиском, как кожа под ним вздрагивает от внезапности, а на её губах замирает тот же испуганно-вызывающий взгляд, что был вчера. Я хотел сорвать эту маску спокойствия. Не руками — губами, зубами, всем собой. Сразу, здесь, не дожидаясь ничего.

Когда долго смотришь на человека — он чувствует. Закон физики или магия — не важно. Она оторвалась от книги. Подняла глаза. И наши взгляды столкнулись в воздухе, как клинки.

Вчера я не разглядел её глаз — только смущение и испуг. Сегодня же я провалился в них с головой. Это был не взгляд испуганной девушки. Это был вызов. Взгляд хищницы, замершей

перед прыжком. В нём не было вопроса. Был расчёт, жгучее любопытство и... признание. Она меня узнала. И это знание что-то в ней перевернуло.

Я — идиот, но я верю в знаки. В узоры, которые плетёт судьба. Случайное столкновение — первый знак. Встреча в том же районе на следующий день — второй. Это уже не совпадение. Это намёк, брошенный мне под ноги самой вселенной.

Она медленно допила свой кофе, никуда не торопясь. Потом её глаза снова нашли мои. Она не улыбнулась. Она что-то решала, глядя прямо в меня. Потом её рука опустилась в сумку и достала оттуда небольшой белый прямоугольник. Визитку. Она положила её на стол, ровно перед собой, как игральную карту на кон. И, не опуская взгляда, встала и ушла. Твёрдо, чётко, не оглядываясь. Её походка говорила: «Мой ход сделан. Теперь твоя очередь».

Это было так дерзко, так осознанно адресовано мне, что на секунду я остолбенел. Адреналин ударил в виски. Игра. Она затеяла игру. И я, чёрт возьми, обожаю игры.

Я не подошёл — я сорвался с барного стула и в два шага оказался у её стола. На столе лежала карточка. Аккуратная, с лёгкой текстурой. На ней было выведено лишь одно имя и номер.

Ольга и номер телефона.

Я взял её в руки. Бумага была ещё тёплой от её прикосновения. «Ольга...» — прошептал я про себя, и имя зазвучало как заклинание, как ключ, который она только что вручила мне в руки.

Мой палец провёл по цифрам. Третий знак. Яркий, недвусмысленный, как удар хлыстом по воздуху.

Теперь судьба была в моих руках. И я знал, что с ней сделаю.

Глава 4

Ольга.

Я вбежала в квартиру, заперла дверь на все замки и прислонилась к ней спиной, как беглянка. Сердце колотилось где-то в горле, глухо и гулко, выбивая ритм панической арии. Глупость. Какая же я глупая! Я заигралась. Теперь эта игра обрела плоть, кровь. И я понятия не имела, каким будет следующий ход. Его.

Руки дрожали, когда я включала телефон. Мгновенно вспыхнул экран, замигали уведомления — мир, от которого я сбежала, требовал меня обратно. Я проигнорировала всё, лихорадочно пролистывая контакты до «Наташка».

— Привет, — её голос прозвучал как глоток нормальности в моём безумном мире.

— Нат, ты не поверишь, — я выпалила, не поздоровавшись, задыхаясь. — Я... я сделала что-то необратимое.

— Ой-ой-ой, — в её тоне сразу зазвучал азартный интерес. — Это звучит многообещающе. Выкладывай. По полочкам.

Я выложила. Всё. От осознанного взгляда через зал до той самой визитки на столе. От его тяжёлого, жгучего взгляда в спину до дрожи в коленях сейчас.

На другом конце провода воцарилась тишина. А потом... раздался визг. Не испуга, а восторга. Чистого, неподдельного, почти детского восторга.

— Ты с ума сошла?! — зашипела я в трубку, чувствуя, как от её реакции мне становится ещё жарче. — Это же катастрофа! Чему ты, вообще, радуешься?

— Тому, что ты наконец-то живая! — прокричала Наталья. — Ты задыхаешься, Оль! Не от страха — от накала. От этого... этого немого диалога между вами! Какой-то мужчина за две встречи разогнал твою кровь так, что Максим за десять лет и близко не подбирался. Это же фантастика!

Её слова обожгли. В них была правда, от которой захотелось спрятаться.

— А что, если он позвонит? — выдохнула я, сжимая телефон. — Что мне делать? Я не знаю правил таких игр.

— Во-первых, дыши, — твёрдо сказала Наташа, переходя в режим главного стратега. — Выдохни. Ты не на минном поле. Ты в самом начале квеста. Во-вторых... а где твоя волшебная палочка? Книга-то?

Я беспомощно оглянулась.

— Не смотрела. Испугалась.

— Так немедленно иди, достань и открой! — приказала она. — У тебя же есть готовая шпаргалка на все случаи жизни. Действуй по инструкции. А там... посмотрим, совпадут ли её правила с тем, что продиктует тебе вот это самое дикое сердцебиение.

Я медленно соскользнула по двери на пол. «Дикое сердцебиение». Да, это про него. Про его взгляд. Про его руки, которые вчера подняли моё бельё, а сегодня, кажется, уже держали меня за горло воображением.

— Ладно, — тихо сказала я. — Почитаю.

— И держи меня в курсе! — щёлкнула Наталья и положила трубку.

Тишина снова навалилась, но теперь она была другой — заряженной, полной ожидания. Я подошла к сумке, будто разминировав бомбу, и достала тот самый розовый переплёт. Он казался нелепым и всемогущим одновременно.

Я открыла его. «Что делать, если первый ход сделан?» — гласил заголовок.

Я сделала глубокий вдох и начала читать.

«Шаг третий: первый контакт (или его отсутствие).

1. Фиксация. Возьми дневник. Опиши всё, что чувствуешь сейчас: страх, азарт, стыд, ожидание. Не анализируй — фиксируй. Эти записи — твой компас в мире новых эмоций.

2. Пауза. Твой ход сделан. Теперь время работает на тебя. Не подходи к телефону. Не ищи глазами на улице. Просто жди. Жди знака. Вселенная ответит — через звонок, сообщение или... тишину. Тишина — тоже ответ.

3. Решение. Если знак будет (а он будет, если твой импульс был искренним), действуй без колебаний. Соглашайся. Встречай. Не придумывай оправданий и не играй в недоступность. Ты уже сделала первый шаг. Теперь позволь истории случиться».

Я закрыла глаза. «Если твой импульс был искренним...» А был ли он искренним? Или это был просто истеричный порыв загнанной в угол мыши?

Не знаю. Но правило есть правило.

Я достала дневник. Ручка дрожала.

«Только что. Чувствую: пустоту в животе, будто провалилась. Руки ледяные. В голове крутится его взгляд — не вчерашний (растерянный), а сегодняшний (тяжёлый, знающий). Боюсь. Боюсь, что он возьмёт визитку. Боюсь ещё больше, что не возьмёт. И где-то глубоко, под всеми этими страхами, — тлеющий уголёк. Не надежды. Любопытства. А что, если?.. Это самое опасное чувство».

Я отложила ручку. Ждать. Самое невыносимое. Я поставила телефон на тумбочку, а сама ушла в душ — смыть с себя запах кофе и этого безумного дня. Но даже под шум воды я прислушивалась. Не к звукам с улицы, а к тишине в своей голове, пытаюсь угадать, нарушит ли её звонок.

Несмотря на весь страх, я почти была уверена. Он клюнул. Я видела это в его глазах. Это не было моей фантазией. Он подошёл бы к тому столу. Он взял бы карточку. Вопрос был не в «если», а в «когда».

Я вытерлась, завернулась в халат и села на кровать, глядя на немой чёрный экран телефона. «Соглашайся. Встречай. Не играй в недоступность».

— Хорошо, — шёпотом сказала я пустой комнате, уже заключая сделку с будущим. — Если он позвонит... я скажу «да». Что бы он ни предложил.

Я не знала, чего ждать. Свидания? Резкого «что это было?»? Но я знала своё правило. Правило, которое я только что приняла.

Теперь всё зависело от него.

Звонок в дверь отвлек меня от гипноза телефона. В глазок уставилось знакомое нахмуренное лицо. Наташа. Я открыла дверь.

— Слава богу! — выдохнула я, втягивая её в прихожую. — Я тут схожу с ума от этой тишины.

— Я так и знала, — она сняла пальто и уверенно прошла в комнату, как генерал, принимающий командование на поле боя. — Что ты будешь сидеть, трястись и ждать, пока телефон не прожжёт дыру в полу. По рукам били, помнишь? Ты идешь на свидание. А я тут для того, чтобы ты не струсила в последний момент. Принесла подкрепление.

Она достала из пакета бутылку красного вина. Не дешёвое, а хорошее — для праздника или, как сейчас, для стойкости нервов.

— Ну-ка, делись. Что там у тебя в волшебном учебнике предписано на этот случай?

Мы устроились в гостиной. Я, всё ещё закутанная в халат, а она — собранная и решительная. Вино в бокалах казалось жидкой храбростью. Я вкратце пересказала суть: ждать, а если звонок — говорить «да».

Четыре часа. Они тянулись как смола. Телефон лежал меж нами на столе, немой и предательский чёрный кирпичик. Уже поползли первые, самые ядовитые мысли: «Не взял. Выбросил. Официант всё стёр тряпкой вместе с твоим позором. Эксперимент провален». Я уже почти смирилась с этим жгучим стыдом, когда...

Вибрация. Резкий, режущий тишину звонок. На экране — неизвестный номер.

Всё внутри оборвалось. Наташа мгновенно выпрямилась, её глаза загорелись.

— Дыши, глупышка, — тихо, но чётко скомандовала она. — И включи громкую связь. Я всё должна слышать.

Я сделала судорожный глоток воздуха, как перед прыжком в ледяную воду, и нажала «Ответить».

— Слушаю... — мой голос прозвучал тонко и чужо.

Сильная, тёплая ладонь Наташи накрыла мою ледяную руку, заземляя. И тогда из динамика раздался голос. Низкий, спокойный, без тени сомнения.

— Ольга. Добрый вечер.

Это был он. Я широко раскрыла глаза и кивнула Наташе. Он, — беззвучно прошептали мои губы.

— Меня зовут Сергей. Мы сталкивались буквально — вчера. И сегодня, кажется, пересеклись взглядами. Вы меня узнали?

В его тоне была лёгкая, почти невесомая улыбка. Не насмешка, а разделение шутки, которую знаем только мы двое.

— Очень приятно познакомиться, Сергей, — выдавила я, чувствуя, как под взглядом Наташи голос понемногу обретает твёрдость. — Вы... нашли моё послание?

— Да. Оно лежало слишком аккуратно, чтобы его не заметить. — В его голосе зазвучала откровенная игра. — Считайте, я принял правила. И теперь хочу сделать ответный ход. Я хотел бы вас пригласить...

В этот момент Наташа, не отрывая от меня хищного взгляда, потянулась к своему блокноту, лежавшему на столе. Она оторвала лист, быстро что-то нацарапала на нём и шлёпнула им передо мной.

На листе крупными буквами было написано: «Сегодня. Клуб «Эдем». С подругой».

Я посмотрела на неё, она одобрительно кивнула, поднимая бокал. Говори.

— ... Сергей, я вас, наверное, перебую, — вмешалась я, следуя написанному сценарию. — Дело в том, что сегодня у меня уже есть планы. Я иду с подругой... в один клуб. Я сделала паузу, давая ему секунду. — Если вам интересно и вы ничего не имеете против компании... вы могли бы присоединиться к нам. Так будет... не так официально.

На том конце провода на секунду воцарилась тишина. Он взвешивал. Продумывал ход.

— «Эдем»? — неожиданно уточнил он. — В центре?

Мои глаза снова метнулись к Наташе. Она, поражённая, утвердительно кивнула. Он угадал.

— Да, — тихо подтвердила я.

— Отличный выбор. — В его голосе снова зазвучала та самая уверенность, что была в его взгляде в кафе. — Я с удовольствием присоединюсь. Во сколько вас ждать?

Мы договорились о времени. Когда я положила трубку, в комнате повисла оглушительная, победоносная тишина. А потом Наташа вскочила и издала торжествующий вой.

— Вот видишь! Работает! Он клюнул, позвонил и теперь идёт на твоих условиях! — Она обняла меня и потрясла за плечи. — А теперь, солдат, беги собираться. У нас с тобой сегодня миссия. И учти — я буду следить за каждым твоим взглядом.

Я смотрела на погасший экран, где только что светился тот самый номер. Сергей. Теперь у него было имя. И через несколько часов у нас будет встреча.

Эксперимент не просто работал. Он вышел на новую, совершенно непредсказуемую орбиту.

— Ладно, я сметаюсь домой! — Наташка, заряженная как батарейка, вскочила с дивана. — Армия красоты к бою не готова, а у нас меньше четырёх часов. Радуйся, что завтра воскресенье и нам не придётся вылезать на работу с тремя часами сна.

Она натягивала пальто в прихожей, не прекращая инструктаж:

— И да, на всякий случай — полный дзен тела. Побрей всё, что шевелится. Сделай педикюр. И главное — она обернулась и посмотрела на меня с серьёзностью хирурга перед операцией, — надень то самое бельё. То, которое он уже мысленно с тебя сорвал.

— Наташ, ты с ума сошла! — я фыркнула, но чувствовала, как по щекам разливается предательский жар. — Я не собираюсь переходить к практике в первый же вечер!

— А я и не предлагаю! — парировала она, ловко завязывая шарф. — Я предлагаю тебе быть во всеоружии. Ты будешь знать, что под платьем у тебя — твой секретный козырь. Это для тебя, а не для него. Для уверенности. Ну и... — её глаза хищно блеснули, — никто не знает, куда заведёт танго. Лучше быть готовой ко всем сценариям.

Она чмокнула меня в щеку и выскочила за дверь, оставив после себя шлейф энергии и тревожных, щекочущих нервы намёков.

И всё же я её послушалась.

Следующие часы прошли в ритуале, напоминавшем подготовку к священна действию или бою. Горячий душ, крем, бритва. Лак на ногтях — тёмный, не свой мне, как вызов. И наконец... я открыла ящик. Чёрное кружево лежало там, будто тлеющий уголёк. Я надела его. Шёлк холодно лёг на кожу, кружево слегка кололо. Это было похоже на облачение в доспехи из собственной смелости.

Когда я стояла перед зеркалом в вечернем платье, загорелся экран телефона. «Максим». Сердце, по старой привычке, ёкнуло. Но рука уже действовала сама — я отклонила звонок. А через секунду, чётко и холодно, отправила смс: «Занята. Как освобожусь — напишу». Правильно «цифрового детокса» работало. Я создавала вакуум. И впервые это доставляло не боль, а странное, головокружительное чувство власти.

Я посмотрела на своё отражение. Незнакомая знакомая. В глазах, подведённых стрелкой, горел не привычный испуг, а сосредоточенный, ровный свет. Платье, бельё, отказ Максиму — всё это были детали новой роли.

— Ну что, Оля, — тихо сказала я зеркальной девушке. — Ты хотела игры. Ты получила правила, партнёра и первую ставку на кону. Готова сделать следующий ход?

Внизу засигналила Наташа. Время вышло. Ожидание закончилось.

Эксперимент покидал безопасную лабораторию моей квартиры и выходил в ночь. Глава подготовки была закрыта.

Глава 5

Мы подъехали на такси к клубу. Нервы были натянуты как стальная струна — звенели от малейшего колебания воздуха. Он меня не обманул, это я поняла ещё по голосу в телефоне. Он ждал. Но вот когда и как он покажет себя, кем окажется в этом свете — я не знала. И это неизвестное пульсировало где-то под рёбрами, мешая дышать.

Мы вышли из машины. На секунду я задержалась, поймав своё отражение в тёмном стекле такси. Из ночной мглы на меня смотрела рискованная кукла. Чужая. Та, которую я не узнавала. Макияж — ярче, чем я смела когда-либо. Глаза — огромные, тёмные, с вызовом. Губы — красные, влажные, приглашающие. Это было больше, чем я. Это превышало все черты моего привычного, серого, удобного характера.

Но это игра. И я сказала себе: если играть, то до конца.

Ставки сделаны. Я — та, кто предложила незнакомому парню встретиться. Та, кто оставила визитку. Та, кто сейчас стоит на тротуаре в платье, под которым то самое кружево, что он уже видел и запомнил. Это уже не прогресс. Это революция.

Я глубоко выдохнула, расправила плечи и подняла глаза.

И увидела его.

Он стоял у входа в клуб, чуть в стороне от толпы, абсолютно спокойный и неподвижный среди всей этой суеты. Будто у него было время, будто он знал, что я приду. Будто он вообще всегда знает всё наперёд.

На нём была тёмная рубашка с расстёгнутой верхней пуговицей и кожаная куртка. Просто. Дорого. Опасно.

Наши взгляды встретились. И мир сузился до расстояния между нами.

В этот момент я забыла про книгу, про правила, про Наташу рядом, про весь этот чёртов эксперимент. Остался только он. И его глаза, которые уже раздевали меня там, у входа, не спрашивая разрешения.

— Ольга, — сказал он, и это прозвучало не как вопрос, а как констатация факта. Как будто он произносил имя, которое уже давно носил в себе.

Он шагнул ко мне. Навстречу.

— Привет, — выдохнула я, и это слово прозвучало глухо, будто я бежала марафон, а не стояла на месте.

Он улыбнулся — краешком губ, чуть заметно, но глаза остались серьёзными, изучающими.

— Я думал, ты не приедешь, — сказал он просто. Без упрёка. Будто констатировал факт, с которым уже смирился, но который не хотел принимать.

— Я всегда плачу по счетам, — ответила я, и это прозвучало смелее, чем я себя чувствовала.

Он хотел что-то ответить, но тут из-за моей спины материализовалась Наташа. Она вынырнула из темноты, как заботливый, но безжалостный прожектор.

— Ну что, голубки, знакомство откладывается? Или вы так и будете стоять и пожирать друг друга глазами на морозе? — она бесцеремонно сунула ему руку для пожатия. — Наталья. Лучший друг, агент, телохранитель и, по совместительству, тот самый человек, который заставил её сюда приехать. Так что вы уж меня терпите.

Сергей усмехнулся, пожимая ей руку. В этой усмешке было уважение — он сразу понял, с кем имеет дело.

— Сергей. Тогда я должен быть вам благодарен. И, кажется, опасаться одновременно.

— Умный мальчик, — Наталья подмигнула и, подхватив меня под локоть, потащила ко входу. — Ладно, проходим внутрь, а то я заледенела, пока вы там играли в гляделки.

Клуб «Эдем» оказался именно таким, как я себе представляла: полумрак, пульсирующий басами, запах парфюма и чего-то сладковатого, тягучего. Наташа уверенно протолкнулась к свободному столику в углу — не слишком близко к сцене, но с хорошим обзором на танцпол и бар. Она всё продумала.

Мы сели. Сергей — напротив меня, Наталья — сбоку, как арбитр на теннисном матче.

— Что будете пить? — спросил он, и в его голосе послышалась та самая уверенность, которая уже успела выбить меня из колеи у входа.

— Мне мартини с апельсиновым соком, — быстро сказала Наташа, — а ей... — она покосилась на меня с хитрой улыбкой, — ей что покрепче. У неё сегодня ночь смелых решений.

Я бросила на неё уничтожающий взгляд, но было поздно. Сергей уже смотрел на меня с новым, обострённым интересом.

— Ночь смелых решений? — переспросил он, не сводя с меня глаз. — Значит, сегодняшняя встреча — одно из них?

— А вы, Сергей, любите задавать прямые вопросы? — парировала я, удивляясь собственной дерзости.

— Только когда хочу получить прямой ответ, — он наклонился чуть ближе, и я снова почувствовала этот запах. Дорогой парфюм, табак, что-то тёплое и мужское, от чего внутри всё сжималось в тугий узел.

Я сделала глоток, чтобы выиграть секунду. Воздух между нами стал почти осязаемым.

— Тогда отвечу прямо, — я выдержала его взгляд. — Да. Это одно из них. И пока что я не жалею.

Наташа тихо хмыкнула в свой бокал, но промолчала. Счёт открыт.

— Пока что? — он ловко подцепил это слово, и в его глазах мелькнула усмешка. — Значит, есть риск, что к концу вечера пожалеете?

— А вы любите пугать девушек такими вопросами? — я решила не сдавать позиций.

— Только тех, кто оставляет визитки и не боится смотреть в глаза, — ответил он, и в его голосе появилась та самая игра, от которой у меня перехватило дыхание.

Наталья, почувствовав, что разговор уходит в опасную глубину, ловко сменила курс, но не для того, чтобы спасти меня, а чтобы раззадорить нас ещё сильнее:

— Слушай, Сергей, раз уж ты теперь в нашей компании, колись: чем занимаешься в реальной жизни? Или ты профессиональный соблазнитель, который караулит жертв у бутиков с бельём?

Я чуть не поперхнулась коктейлем. Наташка — дипломат года.

Но Сергей только рассмеялся — коротко, искренне, удивлённо.

— Нет, к сожалению, моя профессия скучнее. Я архитектор. Проектирую здания, в которых люди потом живут и работают. Он сделал паузу и добавил, глядя на меня: — Но, честно говоря, проектировать пространства проще, чем понимать, что происходит в головах у красивых женщин.

— Ой, не надейся, что мы тебе расскажем, — парировала Наталья, но в её голосе уже звучало одобрение. Архитектор. Интересно.

Я молчала. Внутри всё бурлило. Он архитектор. Он строит дома. А я... я просто пытаюсь построить себя заново по чужой инструкции. И от этого контраста стало почти стыдно.

— Ольга? — его голос выдернул меня из мыслей. — А вы? Чем занимаетесь вы, когда не оставляете визитки незнакомцам в кафе?

Наталья замерла, предвкушая. Я глубоко вздохнула.

— Я бухгалтер, — сказала я, и это прозвучало так обыденно, так плоско после его архитектуры. — Свою дебет с кредитом. Слежу, чтобы мир не рухнул в финансовый хаос.

Он улыбнулся — на этот раз теплее, без намёка на насмешку.

— То есть вы хранительница порядка. А здесь, сегодня... — он обвёл рукой клуб, пульсирующий огнями, — это бунт?

Я встретила его взгляд. Он был слишком близко к правде.

— Может быть, — тихо ответила я. — Может быть, я просто устала быть правильной.

На мгновение воцарилась тишина. Даже музыка, казалось, отступила. Он смотрел на меня так, будто видел насквозь.

— Тогда за это стоит выпить, — сказал он, поднимая бокал. — За бунт. И за тех, кто на него решается.

Наталья присоединилась, но в её глазах читалось: «Девочка моя, ты пропала».

И она была права.

Мы чокнулись. За бунт. За меня. За то, что я сижу здесь, в этом платье, под этим взглядом, и пытаюсь быть той, кем никогда не была.

Наталья допила свой martini одним глотком и вдруг заёрзала, заглядывая в сумочку.

— Ой, мать, я сейчас выпаду в осадок, — пробормотала она, роясь в недрах клатча. — Я ж забыла! У меня же зарядка села, а я обещала Ленке скинуть фото отчёта по нашему проекту. Она ж меня убьёт, если я до полуночи не скину.

Я уставилась на неё, пытаюсь понять, играет она или правда. Наташка — актриса ещё та.

— Ты серьёзно? Сейчас? — выдавила я, чувствуя, как внутри всё сжимается от мысли, что она уйдёт.

— Ну а что делать? Работа, детка. Она уже встала, на ходу застёгивая сумку. — Тут рядом круглосуточный ларёк с электроникой, я метнусь, куплю повербанк и вернусь. Вы тут не скачайте. — Она перевела взгляд на Сергея и стрельнула глазами с многозначительной улыбкой. — Сергей, присмотрите за моей подругой. Она у нас девочка впечатлительная.

— Обещаю, — серьёзно ответил он, и в этом коротком слове мне послышалось что-то опасное, необратимое.

Наталья чмокнула меня в макушку и растворилась в толпе, оставив меня одну напротив него.

Тишина за столиком стала густой, почти осязаемой. Я слышала, как стучит моё сердце, и, кажется, он тоже это слышал.

— Что ж, — сказал он, поворачивая бокал в пальцах. — Остались только мы. И твоя ночь смелых решений.

Он смотрел на меня в упор, и в его взгляде не осталось ничего, кроме прямого, откровенного желания. Он даже не пытался это скрыть. И это подкупало больше, чем любые комплименты.

— Ты танцуешь? — вдруг спросил он, меняя интонацию. Без «вы», без игр. Просто. Ты. Танцуешь.

Я кивнула, потому что голос отказал.

Он встал, протянул мне руку. Ладонь — тёплая, сухая, уверенная.

— Тогда пойдём.

Я вложила свою руку в его, и когда его пальцы сомкнулись на моём запястье, меня пронзило током. Он вёл меня на танцпол, но я чувствовала, что на самом деле он вёл меня туда, где обратного пути уже не будет.

Танцпол пульсировал басами, мелькали огни, чужие тела двигались в такт. Но для меня существовал только он. Его руки, которые легли мне на талию. Его дыхание, которое я чувствовала на своей шее. Его глаза, которые уже раздели меня до того самого кружева.

Мы двигались медленно, почти не в ритме музыки. Это был не танец. Это было предисловие.

Он притянул меня ближе, и я ощутила его тело — жёсткое, горячее, напряжённое. Мои пальцы вцепились в его рубашку, чтобы не упасть, но падала я не в прямом смысле. Я падала в него.

— Ольга, — прошептал он куда-то в мои волосы, и это имя в его устах прозвучало как признание.

Я подняла голову, встретила его взгляд — и пропала окончательно.

— Пошли отсюда, — сказала я. Не спросила. Сказала.

Его глаза потемнели, зрачки расширились. Он не стал спрашивать «куда» или «зачем». Он просто сжал мою руку крепче и потянул за собой — прочь из этого шума, прочь от чужих глаз, туда, где нас никто не увидит.

Глава 6

Мы вылетели из клуба, как пробка из бутылки шампанского — резко, неудержимо, и воздух ночного города ударил в лицо, но не остудил, а только раззадорил.

Сергей не отпускал мою руку. Сжимал так, будто боялся, что я растворюсь, испарюсь, сбегу. А я и не собиралась. Во мне не осталось ни страха, ни сомнений — только жгучее, пульсирующее нетерпение.

Он поймал такси буквально через минуту — или оно само остановилось, почувствовав наш настрой. Рванул заднюю дверцу, пропуская меня вперёд, и я скользнула на сиденье, даже не успев подумать, куда мы едем.

Он сел рядом. Близко. Слишком близко. Дверца хлопнула, отрезая нас от всего мира, и в ту же секунду его рука легла мне на затылок, пальцы зарылись в волосы, и он притянул меня к себе.

Поцелуй был не нежным. Он был голодным, жадным, требовательным. Будто он весь вечер только и ждал этого момента, чтобы перестать играть в приличия. Я ответила тем же — впелилась в его куртку, притянула ближе, чувствуя, как его язык встречается с моим, как его губы кусают мои, как его дыхание смешивается с моим в этом тесном, тёмном пространстве.

Такси тронулось, но я не заметила. Мир сузился до его рук, его губ, его тела, которое прижимало меня к сиденью.

Он оторвался на секунду, чтобы перевести дыхание, и я услышала, как хрипло он дышит. Его лоб касался моего лба, глаза горели в темноте.

— Ольга, — выдохнул он, и это снова прозвучало не как имя, а как молитва.

Я провела рукой по его щеке — колючей, горячей, — и потянулась к его губам снова. Но он остановил меня. На секунду. На один мучительный вдох.

— Куда мы едем? — спросила я, и голос прозвучал чужой, низкий, хриплый.

Он усмехнулся — коротко, почти зло.

— До моего дома далеко, — ответил он, не отрывая взгляда от моих губ. — А я горю от каждого твоего прикосновения. Я не могу ждать.

Он перевёл взгляд на водителя, потом снова на меня, и в его глазах мелькнуло что-то опасное, решающее.

— Мы едем в отель.

Это прозвучало не как вопрос. Это был приговор. Или освобождение. Я не знала. Но когда он снова впился в мои губы, когда его рука скользнула по моему бедру, задирая подол платья, я поняла, что мне всё равно.

Пусть отель. Пусть где угодно. Лишь бы не останавливаться.

Такси неслось сквозь ночной город, а мы растворились друг в друге на заднем сиденье, не думая о том, что будет через минуту. Существовало только сейчас. Только здесь. Только мы.

Такси затормозило у стеклянных дверей отеля. Высокого, дорогого, с золотистой подсветкой. Я даже не успела разглядеть название — Сергей уже расплачивался, вытаскивая меня наружу, не выпуская моей руки.

В фойе было тихо, пахло дорогим парфюмом и свежими цветами. Хрустальная люстра под потолком рассыпала блики по мраморному полу. Всё это казалось нереальным, декорацией к фильму, в котором я вдруг оказалась главной героиней.

Сергей уверенно направился к стойке. Я шла следом, чувствуя, как платье липнет к разгорячённой коже, как горят губы, как дрожат колени. На меня оседал откат адреналина, смешанный с предвкушением.

Девушка за стойкой — безупречная, с идеальной укладкой — подняла глаза и улыбнулась профессиональной улыбкой.

— Доброй ночи. Чем могу помочь?

Сергей отпустил мою руку только на секунду, чтобы достать из кармана паспорт. Положил на стойку. Я не видела, что там написано, но девушка пробежала глазами по странице и застучала по клавиатуре.

— Мистер Демидов, — произнесла она с лёгким акцентом, — ваш номер готов. Добро пожаловать.

Она протянула две карточки-ключи в бумажном конверте.

У меня внутри всё оборвалось и одновременно встало на место.

Демидов. Фамилия, которая прозвучала слишком гладко, слишком готово. «Ваш номер готов» — не «мы подберём», не «посмотрим наличие», а именно готов. Заранее.

Он знал. Он спланировал этот вечер. С того самого звонка, с той самой визитки. А может, и раньше. Может, с той первой встречи, когда чёрное кружево упало к его ногам.

И водитель такси не спрашивал адрес. Он просто вёз нас туда, куда сказал Сергей. Знал маршрут, как будто возил его сюда каждый день.

Я смотрела на его спину, на его широкие плечи, на то, как уверенно он держит карточки в руке, и внутри боролись два голоса.

Первый — старая Ольга, бухгалтер, хранительница порядка — кричала: «Это ловушка. Он всё просчитал. Ты для него — просто план, просто охота, просто номер на эту ночь. Беги».

Но второй голос — тот, новый, что проснулся вчера в примерочной, что оставлял визитку на столе, что шепнул «пошли отсюда» — усмехнулся и ответил: «И что?»

И что? Что, если он спланировал? Что, если он ждал? Что, если я для него — очередная «охота»?

Мне было всё равно.

Сегодня я хотела быть той, кто не думает. Той, кто не считает, не анализирует, не раскладывает по полочкам. Той, кто просто чувствует.

А завтра... завтра мы просто не увидимся. Одна ночь. Без обязательств, без имён, без продолжения. Так честнее. Так правильнее. Так безопаснее.

Сергей обернулся. Взял меня за руку. В его глазах не было вопроса — только обещание. — Пойдём, — сказал он.

И я пошла.

Потому что сегодня я хотела гореть. А завтра... завтра разберёмся.

Мы влетели в номер, не в силах оторваться друг от друга. Наши губы сплелись в жадном, неуклюжем танце — мы целовались на ходу, спотыкаясь, теряя ориентацию в пространстве. Я чувствовала его руки на своей талии, на спине, в волосах — он касался меня везде сразу, будто пытался запомнить каждую клетку.

Одним движением он захлопнул дверь — глухой удар, отрезавший нас от всего мира. И резко оторвался от моих губ.

Я стояла, тяжело дыша, прижатая спиной к двери, и смотрела в его глаза. В них было не просто желание. Там был голод. Там была жажда.

— Ты хотела смелых решений, — произнёс он, и его голос звучал низко, хрипло, почти угрожающе. — Они у тебя сегодня будут. Я обещаю.

Он провёл пальцем по моей скуле, спустился к шее, к ключице. Я замерла, боясь дышать.

— Но терпеть я больше не могу. — Он усмехнулся — коротко, зло, сам над собой. — Прелюдию и романтику устроим потом. Если захочешь.

Я не успела ответить. Он развернул меня лицом к стене — резко, властно, не спрашивая разрешения. Мои ладони упёрлись в прохладную поверхность, щека коснулась обоев. Я слышала его дыхание за спиной, чувствовала жар его тела, и от этого предвкушения подкашивались колени.

Он рванул подол моего платья вверх, оголяя бёдра. И замер.

Я услышала его сдавленный стон.

— Чёрт... — выдохнул он куда-то мне в затылок. — Я надеялся. Я так надеялся, что это бельё будет на тебе.

Его пальцы коснулись кружева — нежно, почти благоговейно. А в следующую секунду он дёрнул.

Треск. Резкий, разрывающий тишину. Ткань не выдержала.

Я закусила губу, чтобы не закричать, но стон всё равно вырвался — глухой, гортанный, полный предвкушения. Я выгнула спину, подаваясь назад, прижимаясь к нему, давая понять без слов: «Да. Ещё. Не останавливайся».

Он понял.

Я услышала, как ширинка на его джинсах издала короткий металлический звук, а потом ткань скользнула вниз и упала на пол. Я замерла, прижатая щекой к прохладной стене, и ждала. Каждая секунда растягивалась в вечность.

Потом послышался шелест фольги. Презерватив. Короткая пауза — и я почувствовала его руки на своих бёдрах, жёсткие, собственнические.

Ещё мгновение — и он вошёл в меня.

Резко. Глубоко. Разрывая изнутри.

Я вскрикнула и вцепилась пальцами в стену, пытаюсь удержать равновесие, потому что ноги отказывались слушаться. Сергей двигался жёстко, почти безжалостно, будто пытался выбить из себя всё напряжение, которое копилось весь вечер. Каждый толчок отдавался во мне жаром, током, помутнением рассудка.

— Боже... какая же ты узкая, — выдохнул он мне в затылок, и его голос сорвался на стон. — Я с ума схожу. По тебе.

Я уже не могла отвечать. Только стонала в такт его движениям, чувствуя, как внутри нарастает что-то огромное, неизбежное. Тот самый ток, который я знала. Который помнила.

Это было со мной только один раз. С Максимом.

Мысль мелькнула и погасла, потому что это было совсем другое. Сейчас не было той сладкой боли и трепета. Сейчас было дико, грязно, правильно. Сейчас меня трахал мужчина, который хотел меня без нежности, без обещаний, без завтрашнего дня.

И это сводило с ума сильнее любой любви.

Я почувствовала, что теряю контроль. Равновесие ускользало, колени подгибались, но я не хотела останавливаться. Я сама увеличила темп, подаваясь назад, навстречу каждому толчку, давая понять без слов: я на пределе. Я сейчас. Я уже...

Сергей понял.

Одна его рука схватила меня за волосы — больно, сладко, собственнически — и потянула на себя, запрокидывая мою голову. Другой рукой он прижал моё тело к себе, удерживая, не давая рухнуть. И стал вбиваться ещё жёстче, ещё глубже, ещё отчаяннее.

Я закричала.

Тело выгнулось и забилося в конвульсиях, волны оргазма накрывали с головой, лишая дыхания, лишая мыслей, лишая всего, кроме этого мгновения. Я слышала свой голос — чужой, дикий, — и где-то на грани сознания поймала его последний, сдавленный стон.

Мы кончили вместе.

Разрядка. Тишина. Дрожь.

Я сползла по стене, но он подхватил меня, не давая упасть. Прижал к себе. Мы оба тяжело дышали, и в этом дыхании смешивались запах пота, секса и чего-то неуловимого, отчего внутри всё ещё пульсировало.

Я закрыла глаза.

С Максимом такого не было. Никогда.

А с этим мужчиной, которого я не знаю, который только что порвал на мне бельё и трахал меня у стены в номере отеля, — было.

И я не знала, радоваться мне или плакать.

Глава 7

Я стояла, прижатая к его груди, и чувствовала, как бешено колотится его сердце под моей щекой. В такт моему. Мы оба пытались отдышаться, но воздух всё ещё был тяжёлым, спёртым, пропитанным нами.

Сергей медленно разжал руки, разворачивая меня лицом к себе. Я подняла глаза. Его взгляд — уже не голодный, не дикий. Другой. Тёплый. Почти растерянный. Таким я его ещё не видела.

Он провёл большим пальцем по моей щеке, стирая дорожку от слезы, которую я даже не заметила. И поцеловал меня.

Нежно. Совсем не так, как у стены. Это было благодарностью. Или вопросом. Или обещанием. Я не знала. Но внутри всё сжалось от этой внезапной, обезоруживающей ласки.

— Я сейчас, — хрипло сказал он, отстраняясь. — Только... выдохну.

Он прошёл к мини-бару, достал два стакана и бутылку виски. Я смотрела на его спину, на широкие плечи, на то, как играют мышцы под кожей при каждом движении, и поймала себя на мысли: я здесь. Я сделала это. Я переспала с незнакомым мужчиной в отеле.

И вместо стыда — тихое, удивлённое ликование.

Раньше я бы уже рыдала в подушку, проклиная себя за слабость. Раньше я бы придумала сто причин, почему это было ошибкой. Но сейчас...

Я чувствовала себя сильной.

Я — та, кто оставила визитку. Та, кто сказала «пошли отсюда». Та, кто выгнулась ему навстречу у стены и не пожалела ни секунды. Я сама выбрала эту ночь. Я сама выбрала его.

И от этого осознания внутри разливалось что-то тёплое, тягучее, похожее на гордость.

Сергей обернулся, протягивая мне один из стаканов. Виски плескался на дне, янтарный, тяжёлый.

— За смелые решения, — усмехнулся он, чокаясь со мной.

Я сделала глоток. Обжигающе, терпко, вкусно. И вдруг поняла, что всё тело ломит от напряжения, адреналина и этой бешеной скачки. Мышцы ныли, кожа горела, и больше всего на свете мне хотелось...

— Я хочу ванну, — сказала я. — Расслабляющую. Прямо сейчас.

Он поднял бровь, и в глазах мелькнула знакомая усмешка.

— Одну? Или с компанией?

Я допила виски одним глотком, поставила стакан на столик и, проходя мимо него в сторону ванной, бросила через плечо:

— Посмотрим, как себя поведешь.

И скользнула за дверь, оставляя его с этим намёком и улыбкой, которую не могла сдержать.

Ванна наполнялась, густая пена медленно оседала хлопьями на поверхности воды, а я стояла перед зеркалом и готовилась погрузиться в эту тишину. Медленно, почти ритуально, сняла платье, оставляя его лежать на полу бесформенной тряпкой — свидетельством нашей бешеной ночи.

Я увидела своё отражение. Растрёпанные волосы, размазанная у края губ помада, следы его пальцев на бёдрах. И вместо ужаса — странное, пьянящее удовлетворение.

Дверь позади мягко скользнула, открываясь.

Я замерла. В стекле отразился он — стоящий на пороге, прислонившись плечом к косяку, и смотрел на меня так, будто я была единственной женщиной на земле.

Я смогла только бросить взгляд через плечо — и тут же отвела глаза, потому что от его взгляда по коже снова побежали мурашки.

Он шагнул в ванную. Подошёл вплотную. Я чувствовала его дыхание на своей спине раньше, чем он коснулся меня.

Его пальцы легонько отодвинули мои волосы, открывая шею. И тогда его губы прижались к моему позвоночнику. Медленная, влажная дорожка поцелуев — от шеи вниз, позвонок за позвонком, до самой поясницы.

Я закрыла глаза и выдохнула. Это было невыносимо нежно.

— Ты прекрасна, — прошептал он куда-то мне в спину, и его голос вибрировал на коже.

Он выпрямился, положил руки мне на плечи, чуть сжал — успокаивающе, собственнически.

— Ложись. Отдохни. Я заказал нам поесть. Как принесут — сразу присоединюсь к тебе.

Я кивнула, не в силах говорить, и осторожно погрузилась в горячую воду. Пена сомкнулась надо мной, укутывая, расслабляя, стирая границы между телом и мыслями.

Я закрыла глаза.

И мысли сразу поплыли — не плавно, а обрывками, вспышками, кадрами нашей бешеной схватки у стены. Его руки. Его запах. Тот момент, когда он вошёл в меня, и я перестала существовать.

И это, чёрт возьми, мне нравилось.

Я никогда не была такой. Никогда не позволяла себе такой смелости, такой откровенности, такой жадности до мужчины. Раньше секс был... обязанностью? Попыткой угодить? Жалкой надеждой, что после него меня наконец полюбят?

А сейчас... сейчас я просто хотела.

Я не понимала, что со мной происходит. Но как только я об этом думала — волна возбуждения снова накрывала с головой, горячая, как эта вода. Тело отзывалось, низ живота сладко ныл, и я сжимала бёдра под водой, чувствуя, что хочу ещё.

Хочу снова почувствовать это. Эту потерю контроля. Эту власть. Эту отданность.

Я прикусила губу, глядя в потолок.

Что ты со мной делаешь, Сергей Демидов?

Я лежала в воде, закрыв глаза, и думала о том, как странно устроена жизнь. Ещё неделю назад я считала себя невидимкой, а сегодня...

Дверь снова открылась.

Я повернула голову и замерла.

Сергей стоял на пороге ванной. Абсолютно голый. Без капли смущения, без тени игры. Просто стоял и смотрел на меня, позволяя рассматривать себя так же откровенно, как несколько минут назад он рассматривал меня.

Я не отвела взгляд.

Боже. Я думала, что уже видела его — в полумраке номера, в спешке, в бешеном ритме у стены. Но сейчас, при ярком свете, я разглядела его по-настоящему. Широкие плечи, узкие бёдра, твёрдый пресс. И он — его достоинство, которое я уже успела узнать, — сейчас было в полной боевой готовности, несмотря на то, что мы только что...

Я слотнула.

— Нравится? — в его голосе звучала усмешка. Он знал ответ.

— Не жалуюсь, — ответила я, удивив себя самой. Раньше я бы покраснела и отвела глаза. Сейчас — нет.

Он хмыкнул и шагнул к тумбочке. Я проследила взглядом за его рукой, когда он достал что-то из кармана брошенных джинсов и демонстративно бросил на край раковины.

Упаковка презервативов. Не одна. Несколько.

Моё сердце пропустило удар.

Он перешагнул через бортик ванны и погрузился в воду напротив меня, раздвигая пену, нарушая моё уединение. Ванна была большой, но сейчас она казалась тесной — потому что его ноги коснулись моих под водой, и этот контакт обжёг сильнее любого прикосновения.

— Нам принесли поесть, — сказал он, откидываясь на противоположный край и глядя на меня из-под полуприкрытых век. — Но я подумал...

Он помолчал, и в его глазах снова мелькнул тот самый опасный огонёк.

— После ванны нам понадобятся силы.

Моя дерзость просыпалась с бешеной скоростью, разливаясь по телу горячей волной. Я вдруг отчётливо поняла: сегодня я могу всё. Всё, что захочу. Всё, о чём тайно мечтала. Всё, что запрещала себе годами.

Потому что завтра я не увижу этого человека.

Завтра он станет просто воспоминанием, случайным эпизодом, ночью без продолжения. И от этой мысли становилось не грустно, а освобождающе легко. Никаких обязательств, никаких ожиданий, никакой боли после. Только здесь и сейчас.

Я посмотрела на него — на этого мужчину, который сидел в воде напротив меня, и меня накрыло жгучее, почти бесстыдное любопытство.

Я никогда не испытывала того, о чём сейчас думала.

Никогда не чувствовала, как губы мужчины касаются меня там. Как это? Что чувствуют девушки, когда язык и губы прикасаются к их плоти? Что происходит с телом, с дыханием, с головой?

Я хотела узнать.

Медленно, чувствуя каждое движение, я поднялась из воды во весь рост. Встала перед ним не со спины, не влоборота, а лицом. Открыто. Смело. Показывая себя — такую, какая есть.

Вода стекала по моей коже, по груди, по животу, по бёдрам. Я видела, как потемнел его взгляд.

Я сделала шаг к нему. Ещё один. Мои ноги разошлись по обе стороны от его торса, колени упёрлись в бортики ванны. Я нависла над ним — его лицо оказалось в нескольких сантиметрах от моего самого сокровенного места.

Он поднял глаза. Встретил мой взгляд. И на его губах расцвела та самая лёгкая, опасная улыбка.

Его руки скользнули по моим ногам — снизу вверх, от колен к бёдрам, медленно, дразняще, заставляя кожу гореть. Я закусила губу.

— Я хочу этого, — сказала я. Голос прозвучал твёрже, чем я ожидала. Почти властно. Хотя внутри всё трепетало.

Он не ответил. Просто притянул меня ближе, приподнял за бёдра и осторожно опустил на своё лицо.

Я ахнула.

Его язык коснулся меня — нежно, пробуя, изучая. А потом начал работать — ритмично, глубоко, сводя с ума. Я вцепилась пальцами в его волосы, запрокинула голову и отдалась этому новому, невероятному чувству.

Он лизал, всасывал, дразнил — и я таяла. Я никогда не знала, что это может быть так. Так остро, так глубоко, так правильно. Каждое движение его языка отдавалось во мне вспышками, приближая ту точку, за которой...

— Не смей кончать без меня, — раздался его голос, глухой и властный.

Я замерла на грани, дрожа, ловя ртом воздух.

Он выбрался из-под меня, подхватил на руки и одним движением вытащил из ванны. Посадил на тумбочку — ту самую, где минуту назад лежали презервативы. Холод поверхности обжёг ягодицы, но я не чувствовала ничего, кроме его рук на своём теле.

Он рванул упаковку, натянул презерватив на свой возбуждённый, твёрдый член и вошёл в меня одним резким, глубоким толчком.

Я выгнулась дугой, вцепившись в его плечи, подставляя грудь под его жадные губы.

— Ты невероятная, — прошептал он, вбиваясь в меня ритмично, глубоко, сводя с ума.

— Сегодня я твоя, — выдохнула я, чувствуя, как новая волна оргазма подступает к финалу. — Делай со мной что хочешь.

Он усмехнулся, схватил мои руки и поднял их вверх, прижимая к холодному зеркалу.

— Не так быстро, — его голос был низким, хриплым. — Я ещё не насытился.

Он замедлил темп. Теперь это был не бешеный, животный секс у стены. Теперь он смаковал. Двигался глубже, но медленнее, давая мне прочувствовать каждое мгновение, каждое касание, каждое дыхание.

Грубость всё ещё чувствовалась — в том, как он сжимал мои запястья, как прикусывал губу, как дико горели его глаза. Но теперь в ней появилась нежность. Странная, опасная, завораживающая смесь.

Мы кончили снова вместе.

Я обмякла в его руках, он прижал меня к себе. Наши тела были мокрыми — от воды, от пота, от секса. Сердце колотилось где-то в горле.

Он поцеловал меня в висок и прошептал:

— Я уверен, ты голодная. Пойдём подкрепимся.

Глава 8

Мы перебрались в комнату, закутавшись в халаты, которые нашлись в шкафу. Мои волосы всё ещё были влажными после ванны, и я чувствовала, как капли воды стекают по шее за воротник.

Сергей уже накрывал на стол — еду принесли, пока мы были в ванной, и теперь она стояла под серебряными крышками, дразня ароматами. Он двигался легко, уверенно, будто делал это сотни раз. Будто мы уже были когда-то — в другой жизни, в других обстоятельствах.

— Садись, — кивнул он на стул, открывая бутылку красного вина. — Ты, наверное, с ног валишься.

Я села. И вдруг поймала себя на том, что улыбаюсь. Просто так. Без причины.

Он заметил.

— Чему улыбаешься? — спросил он, разливая вино по бокалам.

Я пожала плечами.

— Не знаю. Просто... хорошо.

Он поднял бокал, глядя на меня поверх стекла.

— За хорошо.

Мы чокнулись. Вино было тёплым, тягучим, чуть терпким. Оно согревало изнутри, развывало язык, стирало последние барьеры.

Я откинулась на спинку стула и посмотрела на него уже по-новому. Не как на объект страсти, не как на хищника, не как на незнакомца. А просто — как на человека.

— Слушай, Сергей... — начала я и вдруг поняла, что не знаю, о чём спросить. Слишком много всего.

Он приподнял бровь, ожидая.

— Ты всегда такой... уверенный? — вырвалось у меня. — Или это только со мной ты играешь в крутого парня?

Он рассмеялся — искренне, открыто, запрокидывая голову. Я впервые слышала его смех. Он оказался заразительным.

— Честно? — он вытер губы салфеткой. — Я просто делаю то, что чувствую. Если честно, с тобой я вообще перестал контролировать ситуацию где-то на третьей минуте нашего знакомства.

Я удивлённо моргнула.

— Ты? Не контролируешь? Не верю.

Он усмехнулся и отрезал кусок стейка.

— Правда. Ты появилась из ниоткуда со своим чёртовым бельём, которое вывалилось на асфальт, и с тех пор я только и делаю, что пытаюсь угадать, что у тебя в голове. Это бесит и заводит одновременно.

Я рассмеялась. Громко, не стесняясь.

— Боже, какой ужас. Бедный мальчик.

— Мальчик? — он притворно нахмурился. — Ты это сейчас серьёзно?

— Ну, судя по тому, что было в ванной, скорее «очень взрослый мальчик», — парировала я и сама удивилась своей дерзости.

Он посмотрел на меня с прищуром, но в глазах плясали чёртики.

— А ты, оказывается, опасная.

— Ты просто не знал меня раньше, — я пожала плечами, отпивая вино. — Я сама себя не знала.

Эта фраза повисла в воздухе. Слишком честная. Слишком откровенная.

Но он не стал её перебивать или шутить. Просто кивнул.

— Значит, сегодня ты себя узнаёшь.

Я посмотрела на него. На его спокойное лицо, на расслабленные плечи, на то, как он держит бокал — легко, красиво, по-хозяйски. И вдруг подумала: а ведь он прав.

Сегодня я узнаю себя.

Такую — смелую, раскованную, жадную до жизни. Таковую, какой никогда не позволяла себе быть.

— Сергей, — тихо сказала я. — А ты боишься чего-нибудь?

Он задумался. Серьёзно, без тени улыбки.

— Боюсь, — наконец сказал он. — Оказаться не там и не с тем.

— И как? Получается?

Он посмотрел мне прямо в глаза.

— Сейчас — нет. Сейчас я ровно там, где хочу быть. И с той, с кем хочу.

У меня перехватило дыхание.

— Ты всегда так легко говоришь такие вещи? — спросила я, пытаюсь справиться с голосом.

— Только когда они правда.

Мы ели, пили вино и говорили. Говорили о всякой ерунде, которая вдруг переставала быть ерундой, потому что он смотрел на меня своими серьёзными глазами и слушал так, будто я рассказывала тайны мироздания.

— А ты когда-нибудь воровал что-нибудь? — спросила я, отправляя в рот оливку.

— В смысле? — он усмехнулся. — Типа в магазине?

— Ну да. Или не в магазине. Вообще — брал чужое?

Он задумался, покрутил бокал в пальцах.

— В детстве — конфеты. Один раз. Меня поймали, и мама так отругала, что до сих пор помню. А во взрослой жизни... — он посмотрел на меня с хитрой улыбкой, — только сердца.

Я фыркнула.

— Очень пафосно. Прямо как в плохом романе.

— А ты, значит, знаешь толк в плохих романах? — парировал он.

— Я бухгалтер, — напомнила я гордо. — Мы вообще ничего не читаем, кроме отчётов.

— Врёшь, — он прищурился. — У тебя глаза не бухгалтерские.

— А какие?

— Мечтательные. И немножко безумные.

Я почувствовала, как щёки теплеют. От вина, конечно. Только от вина.

— Ну, допустим, — я подняла бокал, пряча улыбку. — А у тебя глаза... опасные.

— Это плохо?

— Посмотрим. Пока не жалуясь.

Он рассмеялся и потянулся через стол, чтобы взять меня за руку. Просто так. Легко, естественно, будто мы делали это сотни раз.

— Ольга, — сказал он тихо. — Ты очень странная.

— Спасибо?

— Это комплимент. Честно. Я не встречал таких, как ты.

— Каких?

— Которые сначала оставляют визитку, а потом спрашивают про кражу конфет.

Я не выдержала и рассмеялась. Он смотрел на меня и улыбался — по-настоящему, без тени игры.

— Ладно, — я допила вино. — Признавайся, ты всегда такой милый после секса?

Он сделал вид, что обиделся.

— Милый? Я? Это кто-то другой тут только что называл меня опасным.

— Ну, опасный, милый... Ты вообще противоречивый тип, Сергей Демидов.

— А ты, Ольга без фамилии, вообще ходячая катастрофа.

— И что нам с этим делать?

Он посмотрел на меня долгим, тёплым взглядом. Потом встал, обошёл стол и протянул руку.

— Для начала — идти спать. Потому что я, кажется, выпил слишком много вина и могу сказать что-нибудь совсем глупое.

— Например? — я вложила руку в его ладонь.

— Например, что не хочу, чтобы эта ночь заканчивалась.

Я промолчала. Потому что внутри кольнуло — остро, больно, сладко. Я тоже не хотела. Но знала, что она закончится. Должна закончиться.

Мы легли в постель. Не для секса — просто лежать. Он обнял меня со спины, уткнулся носом в затылок, и я чувствовала его дыхание — ровное, тёплое, успокаивающее.

— Ольга, — прошептал он уже сквозь сон.

— М?

— Ты правда... очень странная.

Я улыбнулась в темноту.

— Спи, Сергей.

Он уснул быстро — дыхание стало глубоким, рука чуть расслабилась на моей талии. А я лежала с открытыми глазами и смотрела, как свет фонарей пробивается сквозь шторы, рисуя полосы на потолке.

В голове было пусто и одновременно тесно от мыслей.

Он не хотел, чтобы ночь заканчивалась. Но она закончится. Должна закончиться.

Я осторожно повернулась, чтобы видеть его лицо. Во сне он казался другим — без этой своей хищной уверенности, без контроля, без игры. Просто мужчина. Просто Сергей.

Который сказал, что я странная. Что он не встречал таких. Что он ровно там, где хочет быть.

А я?

Я хотела быть здесь. Сейчас. В эту минуту.

Но утро наступит. И тогда...

Я закрыла глаза и приказала себе не думать. Просто быть. Просто чувствовать его тепло. Просто запомнить эту ночь.

Потому что другого шанса у меня не будет.

Я не помню, когда провалилась в сон. Кажется, просто моргнула — и вдруг за окном посерело, шторы начали пропускать бледный, утренний свет.

Сергей всё ещё спал.

Я лежала неподвижно, боясь дышать, боясь пошевелиться. Его рука по-прежнему лежала на моей талии — тяжёлая, тёплая, собственническая. Дыхание было ровным, глубоким. Он не просыпался.

Сейчас или никогда.

Я осторожно, миллиметрами, начала выскальзывать из-под его руки. Замерла, когда он вздохнул во сне и перевернулся на спину. Сердце колотилось где-то в горле, заглушая тишину номера.

Ещё чуть-чуть.

Я села на край кровати. Мои вещи валялись на полу в ванной — платье, бельё (вернее, то, что от него осталось), туфли. Я встала и на цыпочках, как вор, скользнула в ванную.

В зеркале на меня смотрела растрёпанная, опустошённая и одновременно живая женщина. Спутанные волосы, тёмные круги под глазами, припухшие губы. И следы — везде следы. На шее, на плечах, на бёдрах.

Это была я. И это была не я.

Я быстро натянула платье — холодная ткань коснулась разгорячённой кожи, и меня передёрнуло. Туфли взяла в руки, чтобы не стучать каблуками. Волосы кое-как собрала в пучок.

Главное — не смотреть на него.

Я вышла из ванной и замерла.

Он лежал на спине, откинув руку в сторону — туда, где только что была я. Лицо спокойное, расслабленное. И таким он казался... беззащитным. Почти мальчишкой.

Внутри всё сжалось.

Что я делаю? Может, остаться? Может, просто...

Нет.

Я зажмурилась на секунду, разрывая этот внутренний диалог, и шагнула к двери. Ручка повернулась с тихим щелчком, от которого я чуть не умерла. Замерла, прислушиваясь.

Тишина.

Я выскользнула в коридор, прикрыла дверь за собой — бесшумно, как учили в шпионских фильмах — и прислонилась к стене спиной.

Свобода.

В груди разрывалось что-то между облегчением и ужасом. Я сделала это. Я ушла. Не попрощалась. Не оставила записки. Просто исчезла, как тень, как ошибка, как одна ночь, которой не было.

Лифт приехал слишком быстро. Я вошла в пустую кабину и нажала первый этаж. В зеркале напротив — снова моё отражение. Растрёпанная, испуганная, с бешеными глазами.

Трус, — сказала я себе. — Ты просто трус.

Но другой голос — тот самый, новый, дерзкий — ответил:

Нет. Я просто сохраняю себя. Потому что если бы я осталась, утром он увидел бы не ту смелую девушку из клуба, а ту, которая боится. А этого я не могла ему дать.

Лифт мягко остановился. Двери открылись, впуская прохладу пустого холла.

Я вышла из отеля и вдохнула утренний воздух — холодный, колючий, живой.

Свобода.

Или пустота.

Я ещё не знала.

Глава 9

Сергей.

Я проснулся от тишины.

Не от звука, не от света — именно от отсутствия. Той самой тишины, которая бывает только когда рядом нет того, кто должен быть.

Рука машинально потянулась в сторону — пусто. Простынь ещё хранила тепло, но её уже не было.

Я открыл глаза.

Номер был залит бледным утренним светом. Моя рука лежала на том месте, где всего несколько часов назад спала она. Подушка хранила вмятину от её головы. Её запах — смесь геля для душа, вина и чего-то неуловимого, личного, её — всё ещё витал в воздухе.

Но её самой не было.

Я сел на кровати, прислушиваясь. Ванная? Тишина. Шорох одежды? Ни звука.

— Ольга? — позвал я, и голос прозвучал хрипло, чужо.

Никто не ответил.

Я встал, натянул джинсы и прошёлся по номеру. Ванная — пуста, её вещей нет. Стол, где мы сидели ночью — два пустых бокала, остатки еды, салфетка, которую она крутила в руках. И больше ничего.

Ни записки. Ни сообщения. Ни следа.

Я подошёл к окну, раздвинул шторы. Город просыпался, первые машины ползли по мокрым улицам, люди спешили по своим делам. Где-то там, в этом сером утре, была она. А я стоял здесь, в номере, который вдруг стал чужим и пустым.

В груди разрасталось странное, липкое чувство. Сначала я принял его за злость.

Какого чёрта? Уйти вот так, не попрощавшись, не оставив даже намёка?

Но чем дольше я стоял, тем яснее понимал: это не злость. Это растерянность. И ещё что-то, чему я не мог подобрать названия. Что-то, отчего внутри саднило, как от свежей ссадины.

Я провёл рукой по лицу, пытаюсь стряхнуть остатки сна и этого дурацкого состояния.

Она ушла.

Я не привык проигрывать. Не привык, чтобы от меня уходили. Тем более — вот так, молча, по-английски, растворившись в утреннем свете, как видение, как сон, который невозможно удержать.

Я посмотрел на кровать. На сбитые простыни, на подушку, где ещё осталась вмятина от её головы. И вдруг вспомнил, как она лежала в моих руках перед сном — тёплая, расслабленная, доверчивая. Как я уснул, чувствуя её дыхание на своей груди.

Она ушла.

Я сжал челюсть и отвернулся к окну.

— Ну и катись, — сказал я вслух, и голос прозвучал глухо.

Но внутри что-то ответило: нет, не катись. Не так.

Я не знал, что делать дальше. Искать её? Зачем? У нас была одна ночь. Без обязательств, без продолжения. Она сама это выбрала, когда оставляла ту визитку. Или когда шепнула в клубе: «Сегодня я твоя».

Сегодня.

Только сегодня.

А сегодня уже закончилось.

Я подошёл к столу, налил себе воды из бутылки. За окном засигналила машина, где-то за стеной зашумел лифт. Жизнь продолжалась. А я стоял посреди этого номера и чувствовал себя дураком.

Потому что, кажется, я вляпался. Сильнее, чем планировал. Сильнее, чем позволял себе за последние годы.

— Ольга, — тихо произнёс я, пробуя имя на вкус.

Имя без фамилии. Женщина без прошлого. Та, которая ворвалась в мою жизнь с разорванным бельём и исчезла на рассвете, оставив после себя только запах и эту дурацкую пустоту в груди.

Я посмотрел на свою руку — ту, что ещё час назад обнимала её.

Она ушла.

Но почему-то я был уверен: это не конец.

Я схватил телефон и набрал её номер. Гудки. Длинные, бесконечные, издевательские.

Она не отвечала.

Я набрал снова. Сбросила. Или просто не брала трубку. Какая разница — результат один: тишина.

Злость разлилась по телу, горячая, тяжёлая, требующая выхода. Сжал челюсть так, что зубы закричали.

Нет. Просто так не сбежишь.

Я заставил себя дышать ровнее. Думать холодно. Что я знаю о ней? Имя — Ольга. Профессия — бухгалтер. Есть подруга Наталья. И номер телефона, на который она сейчас не отвечает.

Всё.

Ни фамилии. Ни адреса. Ни места работы. Ничего, за что можно было бы зацепиться.

Я выругался вслух, и слово прозвучало гулко в пустом номере.

Думай, идиот. Думай, как её найти.

Но в голове было пусто. Только её запах на подушке и это бешеное, липкое чувство внутри, которое я никак не мог определить.

Я заставил себя дышать ровнее, хотя внутри всё клокотало. Методом тыка, перебором вариантов — так дела не делаются. Мне нужен был кто-то, кто умеет находить людей. Кто шарит в базах, в соцсетях, во всех этих цифровых следах, которые мы оставляем.

И тут меня осенило.

Пашка.

Павел, мой старый приятель. Мы не виделись, наверное, год, но я знал, чем он занимается. Частный детектив. Лицензия, опыт, связи. И главное — голова, умеющая собирать пазлы из тех кусочков, которые другим кажутся мусором.

Я нашёл его номер в телефоне и нажал вызов. Гудок. Второй. Третий.

— Серый, ты? — раздался знакомый голос, чуть хриплый со сна. — С ума сошёл? Восьмое утро воскресенья.

— Паш, извини, — я старался говорить ровно, хотя внутри всё ещё штормило. — Мне нужна помощь.

Пауза. Он сразу уловил тон — мы знали друг друга слишком давно.

— Случилось что?

— Девушка. Исчезла.

— В смысле исчезла? Похищение? — в голосе появилась профессиональная настороженность.

— Нет. Сама ушла. Утром, пока я спал. Но мне нужно её найти.

Пашка хмыкнул.

— Серый, ты вообще слышишь себя? Девушка ушла после ночи — бывает. Может, не судьба?

— Паш, — перебил я жёстче, чем хотел. — Ты не понял. Мне правда нужно. Я знаю о ней только имя, профессию и номер телефона. И она не берёт трубку.

Повисла пауза. Потом он вздохнул.

— Ладно. Приезжай. Через час буду в конторе. Кофе захвати — у меня закончился.

Я выдохнул. Впервые за это утро.

— Спасибо.

— Погоди благодарить. Сначала расскажешь, что случилось. И приготовься, что я буду ржать.

Он отключился. А я уже натягивал куртку, чувствуя, как внутри вместо липкой пустоты разгорается что-то другое. Надежда. Или безумие. Пока не разберёшь.

Ольга.

Я не помню, как доехала до дома.

Кажется, поймала такси у отеля. Кажется, назвала адрес. Водитель что-то говорил, я кивала, но слова пролетали мимо, не задевая сознания. Всё, что существовало — это пульсирующая пустота внутри и запах его духов на моей коже, от которого невозможно было избавиться.

Лифт поднимался слишком медленно. Я смотрела на своё отражение в металлических дверях — растрёпанная, с размазанной тушью, в мятом платье, под которым уже не было белья. Оно осталось там. Разорванное. На полу ванной.

Я зашла в квартиру, закрыла дверь и прислонилась к ней спиной.

Тишина.

Родная, знакомая, безопасная тишина. Та, в которой я прожила годы. Но сейчас она казалась чужой. Слишком тихой. Слишком пустой.

Я сползла по двери вниз, села на пол и закрыла лицо руками.

Что я наделала?

Мысли налетали хаотично, обрывками, как плохой монтаж.

Его руки на моей талии. Его губы на моей шее. Тот момент, когда он вошёл в меня у стены, и я перестала существовать. Его шёпот: «Ты невероятная». Смех за ужином. То, как он смотрел на меня, будто я была единственной женщиной на земле.

А потом — его спящее лицо. Беззащитное. Доверчивое. И мой побег.

Зачем? Почему я ушла?

Потому что это не я.

Я — Ольга, бухгалтер, правильная девочка, которая никогда не позволяла себе такого. Которая годами ждала Максима и боялась даже представить, что можно хотеть по-другому.

А эта ночь... эта ночь была не про Максима. Не про ожидание. Не про «удобную подружку».

Эта ночь была про меня. Про ту, которую я не знала. Про ту, которая оказалась способной на всё.

Я подняла голову и посмотрела на свои руки. Они дрожали.

Мне должно быть стыдно.

Но внутри, под слоем страха и смятения, пульсировало что-то тёплое, живое, нестерпимо яркое.

Эта ночь была лучшей в моей жизни.

Я никогда не чувствовала себя такой живой. Такой желанной. Такой смелой.

Я встала, прошла в ванную и включила воду. Горячую, почти обжигающую. Стянула платье, бросила его на пол и шагнула под струи.

Вода смывала запах секса, запах отеля, запах его. А я стояла и смотрела, как розовая пена утекает в слив, и не знала — хочу я проснуться от этого сна или провалиться в него снова.

Кто я теперь?

Я выключила воду, закуталась в халат и вышла в комнату.

Телефон мигал уведомлением о непринятом вызове. Я разблокировала экран и замерла. Сергей. Два пропущенных.

Сердце екнуло и провалилось куда-то в живот.

Он проснулся. Увидел, что меня нет. И позвонил.

Два раза.

Я смотрела на эти цифры и не знала, что чувствовать. Радость? Страх? Желание набрать его самой, пока не поздно?

Но пальцы не двигались. Они просто лежали на экране, как чужие.

Может, и хорошо, что я не слышала звонка. Всё равно бы не ответила. Всё равно не знала бы, что сказать. «Привет, это я, та, которая сбежала, пока ты спал. Прости, я просто испугалась. Испугалась тебя. Испугалась себя. Испугалась того, что эта ночь для меня значила». Глупость.

Эта ночь уже в прошлом. Надо двигаться дальше. Возвращаться в реальность, где есть работа, Максим, Наташка, моя уютная квартира и никаких сумасшедших ночей с незнакомцами.

Телефон снова завибрировал в руке. Я вздрогнула, готовая увидеть его имя...

Наташка.

Я выдохнула. И почему-то на душе стало одновременно легче и пустее.

— Аллю, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Ну как ты там? Жива? — Наташка хмыкнула в трубку. — Хотя лучше спросить: на тебе вообще осталось живое место?

— Я смотрю, тебе весело, — буркнула я, но против воли губы дрогнули.

— А почему я должна плакать? — искренне удивилась она. — Ты наконец-то за столько лет сбросила с себя всё напряжение! Тут радоваться надо, подруга.

— Наташа, что ты несёшь? — я прикрыла глаза рукой. — Я провела ночь с совершенно незнакомым мужчиной.

— Ну и как? Понравилось?

— Господи, о чём ты говоришь?!

— Скажи честно. Понравилось?

Я замолчала. Потому что внутри всё сжалось от одного воспоминания.

— Если бы ты только знала, что я вытворяла, — выдохнула я. — Я никогда не позволяла себе такой дерзости. А с ним... я просто была неуправляема.

На том конце провода повисла пауза. А потом Наташка выдохнула:

— Вот видишь! Я за тебя так рада, слов нет. Ну всё, теперь вы вместе, да?

— Нет.

— В смысле?

— Я... я сбежала от него под утро. Прямо из отеля.

— Оля, нет! — её голос взлетел на октаву. — Ты с ума сошла?! Если тебе было так хорошо, зачем ты убежала?

— А что я должна была сказать ему утром? — голос дрогнул. — «Привет, я та, которая вчера вела себя как шлюха, но теперь мы можем позавтракать»?

— Ладно, — Наташка вдруг выдохнула и заговорила спокойнее. — Ладно. Без паники.

Я молчала.

— Слушай, — продолжила она. — Это был эксперимент, помнишь? Первый шаг. Сегодня просто отдохни. И книгу пока не бери в руки. Вообще убери подальше.

— Зачем?

— Затем, что тебе нужно переварить. Дай себе хотя бы день отдыха от всего этого. А потом... потом посмотрим.

Я кивнула, хотя она не могла этого видеть.

— Отдыхай, подруга. Я позвоню вечером.

— Хорошо.

— И Оль?

— М?

— Ты не шлюха. Ты живая. Запомни это.

Она отключилась. А я осталась сидеть с телефоном в руке, чувствуя, как внутри что-то потихоньку тает.

Глава 10

Понедельник наступил неожиданно. Хотя чему удивляться — воскресенье я провалялась в кровати, глядя в потолок и пытаюсь не думать. Не думать о нём. О его руках. О его голосе. О том, как он смотрел на меня за ужином.

Бесполезно.

Я вошла в офис, и привычный запах бумаги, кофе и офисной пыли ударил в нос. Здесь ничего не изменилось. Те же коллеги, те же мониторы, те же бесконечные отчёты. А я изменилась. Или мне только казалось?

Я села за свой стол, включила компьютер и уставилась на экран. Цифры плыли перед глазами, отказываясь складываться в привычные столбцы.

Дебет. Кредит. Баланс.

А в голове — совсем другие цифры. Два звонка от него, которые я не взяла. Одна ночь, которую не забыть. Ноль шансов, что мы ещё увидимся.

— Оль, ты с луны свалилась? — голос Наташки выдернул меня из оцепенения. Она стояла в дверях с двумя стаканчиками кофе.

— А? Нет, всё нормально, — я моргнула, прогоняя наваждение.

— Ну-ну, — она подошла, поставила кофе на стол и внимательно посмотрела на меня. — Вижу я, как у тебя «всё нормально». До сих пор перевариваешь?

Я только вздохнула.

— Ладно, — Наташка хлопнула меня по плечу. — Работай. Вечером созвонимся.

Она ушла, а я снова уставилась в монитор. Цифры не складывались. Мысли возвращались к одному и тому же. Его улыбка. Его шёпот. То, как он сказал: «Ты невероятная».

Экран телефона мигнул.

Максим.

Палец сам нажал «Отклонить».

Я написала короткое сообщение: «На работе. Перезвоню позже». И отложила телефон в сторону.

Не сейчас, Максим. Может быть, вообще никогда. Потому что в моей голове сейчас был только один мужчина. И его звали не Максим.

Я снова уставилась в монитор. Дебет и кредит молчали, не давая ответа.

А внутри, под слоем усталости и смятения, всё ещё пульсировало то самое тёплое, живое чувство. Та ночь была лучшей в моей жизни. И как теперь с этим жить — я понятия не имела.

Я снова уставилась в монитор, пытаюсь убедить себя, что отчёты важнее, чем мысли о мужчине, которого я больше никогда не увижу.

— Волкова Ольга? — раздалось надо мной.

Я подняла голову. Курьер — молодой парень в форме — держал в руках небольшую коробку, перевязанную бежевой лентой.

— Да, это я, — растерянно ответила я, принимая посылку. — А от кого?

— Там внутри всё написано, — парень улыбнулся и ушёл, оставив меня в полном недоумении.

Я смотрела на коробку и чувствовала, как сердце начинает биться быстрее. Кто мог прислать мне что-то на работу? Наташка? Нет, она бы предупредила. Максим? Он не такой.

Я осторожно развязала ленту, открыла крышку и замерла.

Тончайшее чёрное кружево. Шёлк, невесомый, почти прозрачный. Комплект белья — дорогой, изысканный, совсем не такой, какие я покупала себе раньше.

Поверх ткани лежала маленькая записка. Я развернула её дрожащими пальцами.

«Возвращаю долг. Я испортил твои кружева — надеюсь, эти не хуже. С ними ты будешь ещё прекраснее.

С.»

Мир рухнул куда-то вниз, провалился сквозь офисный пол, сквозь землю, в самую бездну.

Сергей.

Он нашёл меня.

Я перечитала записку раз, другой, третий. Слова плыли перед глазами. «Возвращаю долг». «Я испортил твои кружева». Он помнил. Он всё помнил.

Но как?!

Я подняла голову, оглядывая офис. Коллеги работали, Наташка болтала с кем-то у кофемашины, жизнь шла своим чередом. А я сидела с коробкой белья на коленях и чувствовала, как земля уходит из-под ног.

Он знает, где я работаю. Он знает мою фамилию. Он знает, как меня найти.

А я даже не взяла его чёртовы звонки.

Я снова посмотрела на записку. Аккуратный, уверенный почерк. Ни капли сомнения. Никаких «если хочешь», «если не против». Просто: «Я испортил твои кружева. Вот тебе новые».

Как будто он знал, что я не отвечу. Как будто он просчитал меня на три хода вперёд.

Внутри всё переворачивалось. Страх? Восторг? Желание спрятаться — или бежать к нему навстречу?

Я не знала.

Но пальцы уже гладили шёлк, и тело помнило, как он срывал с меня то, другое бельё, несколько часов назад в номере отеля.

Я подняла голову и посмотрела в сторону кофемашины, где Наташка всё ещё болтала с кем-то из соседнего отдела. Она поймала мой взгляд и сразу нахмурилась — видимо, лицо у меня было то ещё.

Я помахала рукой, призывая её срочно подойти.

— Что случилось? — Наташка подлетела мгновенно, но, увидев коробку, остановилась. — Ого, а это что за красота? Тебе прислали? С каких это пор у нас тут цветы-конфеты...

— Наташ, — перебила я шёпотом. — Загляни туда.

Она заглянула. И замерла.

— Охренеть, — выдохнула она, вытаскивая кружево двумя пальцами, как музейный экспонат. — Оль, это же... это же капец какое дорогое. Ты где такого клиента нашла?

— Читай, — я сунула ей записку.

Наташка пробежала глазами строчки. Её брови поползли вверх, а потом она расплылась в такой улыбке, что я готова была её убить.

— Он тебя нашёл, — констатировала она с явным удовольствием. — Твой ночной принц. Оль, ну ты чего? Ты плакать собралась? Это же охренеть как круто!

— Ты понимаешь, что это значит? — зашипела я, оглядываясь на коллег. — Он знает, где я работаю! Он знает мою фамилию! Он...

— Он хочет тебя, — перебила Наташка спокойно. — И он умеет добиваться своего. Оль, ну посмотри на это с другой стороны. Вместо того чтобы бегать за тобой и устраивать сцены, он прислал тебе подарок. Красивый, дорогой, с юмором. Это тебе не Максим с его «Ольчик, ты лучшая подруга».

Я промолчала. Потому что она была права.

— И что мне теперь делать? — спросила я тихо.

— Ну, для начала — не паниковать, — Наташка убрала бельё обратно в коробку и закрыла крышку. — А вечером мы это обсудим нормально. С вином. У тебя дома.

— А до вечера?

— До вечера работай и делай вид, что ты не думаешь о том, как это кружево будет смотреться на тебе, — она подмигнула и ушла к своему столу, оставив меня с коробкой и бешено колотящимся сердцем.

Я смотрела на коробку и понимала: до вечера я не доживу. Потому что каждая клетка моего тела уже думала только об одном.

Он меня нашёл.

До вечера я не дожидаясь. Но доползла.

Коробка с бельём всю вторую половину дня простояла под столом, как мина замедленного действия. Я то и дело на неё косилась, ловила понимающие взгляды Наташки и снова утыкалась в монитор, где цифры так и не желали складываться.

В шесть вечера я сдалась. Собрала сумку, сунула туда коробку и выдохнула.

— Готова? — подруга подхватила меня под руку. — Пошли, жертва страсти. Будем тебя отпаивать и раскладывать по полочкам.

Мы вышли из офиса, и я сразу почувствовала осенний вечерний холод. Хотелось домой, закутаться в плед и чтобы никто не трогал.

— Оля!

Я замерла. Голос, который я знала тысячу лет. Голос, от которого раньше сердце уходило в пятки.

Максим стоял у выхода, опираясь на свою машину, и смотрел на меня с той самой привычной улыбкой.

— Ты чего здесь? — вырвалось у меня раньше, чем я успела подумать.

— А ты не берёшь трубку, — он шагнул навстречу. В его глазах было беспокойство. Настоящее? Или привычное? Я уже не понимала. — Я волновался. Ты в субботу вечером сказала, что занята, в воскресенье молчала, сегодня сбрасываешь. Что случилось?

Наташка рядом со мной напряглась. Я чувствовала её взгляд боковым зрением.

— Ничего не случилось, — я постаралась, чтобы голос звучал ровно. — Просто много работы.

— Работы? — он усмехнулся. — Оль, ты на себя не похожа. Ладно, давай я вас подвезу. А то холодно, темнеет уже. По пути поговорим.

Сердце ёкнуло. Старая привычка. Старый рефлекс. Он предлагает — я соглашаюсь.

Я посмотрела на Наташку. Та едва заметно пожала плечами — решай сама, я рядом.

— Хорошо, — выдохнула я. — Подвези.

Мы сели в машину. Максим за руль, я рядом, Наташка сзади.

— Слушай, Оль, — Максим тронулся с места. — Давай на этой неделе сходим куда-нибудь? А то мы совсем перестали видеться. Я соскучился.

Раньше от этих слов я растаяла бы. Сейчас же в голове стучало только одно: он соскучился. А я весь день думаю о другом.

— Посмотрим, — ответила я уклончиво. — У меня правда запарка.

Максим хмыкнул, но спорить не стал. Наташка сзади молчала, но я чувствовала, как она буквально прожигает меня взглядом.

Машина свернула к моему дому. Мы подъехали к подъезду. Я уже потянулась к ручке двери, когда свет фар выхватил из темноты фигуру у входа.

Высокий. В тёмной куртке. Стоит, прислонившись к стене, и смотрит прямо на машину.

Сердце рухнуло вниз, потом подпрыгнуло к горлу.

Это был он.

Сергей.

Мне было страшно выйти из машины.

Пока Максим обходил автомобиль, чтобы открыть мне дверь, я резко повернулась к Наташке и зашептала:

— Там, у подъезда... Сергей.

Наташка мгновенно подалась вперёд, вглядываясь в темноту, и я увидела, как её глаза загораются азартом.

Дверца открылась. Максим протянул руку, помогая мне выйти. Я оперлась на его ладонь, но взгляд мой был прикован к фигуре у подъезда.

— Спасибо, — автоматически ответила я Максиму, но голос звучал чужо, будто не мой.

— Сергей! — Наташка вдруг бросилась вперёд, прямо к нему, и я поняла: она не просто узнала его. Она одобряет. И уже что-то замыслила.

Мы подошли к подъезду. Сергей стоял неподвижно, опираясь плечом о стену, и прожигал взглядом Максима. На меня он даже не смотрел. Ни разу.

Всё понятно. Он решил, что Максим — тот самый, кто посмел посягнуть на его ценность. Ревность, холодная и опасная, читалась в каждой чёрточке его лица.

— Ну что ж, будем знакомиться! — Наташка вклинилась между ними с улыбкой, которой позавидовал бы профессиональный дипломат. — Это Максим. Старый друг Ольги, практически брат. Она сделала паузу и добавила с намёком: — Потому что Максим всегда воспринимал Ольгу только как сестру.

Максим дёрнулся, будто его ударили. Но виду не подал.

Сергей наконец перевёл взгляд с Максима на Наташку, потом снова на него. И медленно, с лёгким вызовом, протянул руку.

— Сергей, — представился он.

Рукопожатие вышло коротким, крепким, мужским. Слишком долгим для простой вежливости.

— А это, — Наташка гордо выпалила, как фокусник, достающий кролика из шляпы, — Сергей. Новый знакомый Ольги.

Новый знакомый. Как будто между нами было просто «приятно познакомиться». Я смотрела Сергею в глаза и боялась пошевелиться. Он всё ещё не смотрел на меня. Но я чувствовала — это специально. Он выжидал.

— Так, ладно, хватит здесь мёрзнуть! — Наташка уже входила в раж. — Мы с Олей как раз собирались выпить бутылочку вина после работы. Давайте все поднимемся, по бокалу — и разбежимся. Она перевела взгляд на Максима: — Ты же меня потом домой подбросишь, Максим? А их оставим... ну, вы поняли.

Я посмотрела на подругу с ужасом. Что она несёт?!

Но Наташка уже тащила всех к подъезду.

Я перевела взгляд на Максима. Может, мне показалось, но его челюсть сжалась, в глазах мелькнуло что-то тёмное. Бешенство. Которое он старательно прятал за вежливой улыбкой.

Наташа добилась своего. Она проверила реакцию Максима. И, судя по всему, результат её более чем устроил.

А я оказалась между двумя мужчинами, и воздух между ними искрил так, что, кажется, можно было зажечь спичку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.